

Июнь 1860

Письма из Палермо в газету «Times»

В «Times'e» появились наконец письма корреспондента ее, отправившегося в Сицилию. По обыкновению, эта корреспонденция далеко превосходит полнотою своею все те сведения, какие получала публика из других источников. Объем корреспонденции довольно велик, потому мы только в нескольких словах перескажем содержание двух первых ее писем; зато будем вполне переводить следующие письма, начиная с того, которое было писано 27 мая, под грохотом бомбардирования, — в нем излагается и ход предыдущих событий, от высадки Гарибальди до того дня, когда корреспондент проехал в лагерь инсургентов, вместе с которыми вступил в Палермо. О своем участии в делах историк ничего не говорит; но видно, что если он не сражался сам, то водил в бой других.

Очень живо описав вид Мессины в последних числах мая и рассказав известные нашим читателям действия, которыми отпраздновали в мирном городе пасху неаполитанцы (первое письмо), корреспондент во втором письме рассказывает о своем приезде из Мессины в Палермо. Город был, подобно Мессине, покинут почти половиною жителей, ждавших от неаполитанцев именно того образа действий, какой они и действительно употребили. Но полицейские, предвидевшие, что скоро власть их кончится, стали уже любезными, кроткими. Превосходно описывает корреспондент тревожное состояние жителей, не имевших средств удалиться за своими более счастливыми согражданами, ночные огни гарибальдиевских отрядов по горам, картину сражения, которое он видел еще с корабля и к которому возвращается в первом из переводимых нами писем. Не останавливаясь на всем этом, беремся прямо за перевод письма, с которого начинается настоящее изложение хода событий.

«Палермо, 27 мая.

Теперь 2 часа пополудни, и я пишу вам под бомбами, летающими над моею головою. Когда высадка Гарибальди произвела первый припадок ужаса в Неаполе, юный Бурбон послал своему храброму флоту, сосредоточенному в палермской гавани, приказание бомбардировать его верных палермцев и обратить город их в пепел, если они осмелятся восстать против его отеческой власти. С палермцами раз уже было поступлено этим отеческим способом, по распоряжению достославного родителя нынешнего короля, — родитель, если вы припомните, прозывается в истории Re Bomba «король-бомба» за то, что дал эти сувениры своей любви каждому большому городу своего королевства. Каждый, бывавший в бомбардируемом городе, скажет вам, что это вещь очень неприятная, особенно если вы не имеете средств отвечать на нее сообразным манером, — однакоже Палермо восстал ныне утром. Вчера официальный бюллетень правительства объявлял палермцам, что разбитые шайки Гарибальди бегут по направлению к Корлеоне, преследуемые победоносными войсками короля, что шайки, присоединившиеся к Гарибальди, постепенно и спокойно расходятся по домам и что в скором времени все это дело окончится. Ныне на рассвете Гарибальди явился перед восточными воротами Палермо и после борьбы, не слишком кровопролитной, вошел в них. К 10 часам утра большая часть города была в его руках. Неаполитанцы были отгеснены в несколько крепких пунктов около королевского дворца, на юго-западный конец города и на северо-западный конец его, к молу на пристани; а корабли, не находя себе возможности сделать ничего полезного, открыли по городу огонь — это всегдашнее последнее лекарство. Флоты почти всех цивилизованных наций имеют здесь своих представителей. В лагере Гарибальди говорили вчера вечером, что британский адмирал протестовал против такого действия. Бомбы, летающие по воздуху во всех направлениях, ясно доказывают одно из двух: или наш адмирал не протестовал, или неаполитанцы не послушали его протеста.

Но я должен спешить к фактам, потому что рассказывать мне будет много. В своем прежнем письме отсюда, 25 мая, я старался дать очерк здешнего положения, но не мог сообщить вам ничего, кроме догадок о том, что происходило за стенами Палермо. Теперь могу пополнить этот пробел и из самого лучшего источника сообщить вам обо всем, что случилось со времени высадки до вчерашнего дня; о событиях со вчерашнего дня могу рассказать как очевидец. Они покажут вам, что звезда Гарибальди не меркнет и что если Сицилия освободится, то освобождением будет обязана ему.

Он, как вы припомните, отплыл из окрестностей Генуи в ночь с 5 на 6 мая. Он хотел отплыть накануне, но один из пароходов, выбранных для экспедиции, не пришел в тот день, потому надобно было на сутки отложить отъезд. Нечего и говорить, что щекотливая часть дела была заранее улажена с владельцами пароходов и что Гарибальди только согласился принять на себя ответственность за то, чтобы увести эти пароходы*. Капитаны, машинисты и матросы заблаговременно получили приказание сойти с пароходов, — храбрый генерал сам хороший моряк, и у него было довольно своих людей для управления пароходами. 7 числа он выходил на берег у Таламоне в Тоскане**,

* Читатель, конечно знает, что делу придан был такой вид, как будто Гарибальди, внезапно подъезжая на лодках к двум пароходам одного итальянского акционерного общества, стоявших на язоре около Генуи, насильно овладел ими; он написал потом и директорам этой компании письмо, в котором извинял свое мнимое насилие необходимостью.

** Тут, между прочим, его помощник, венгерец полковник Турр, явился, говорят, к местному военному начальнику, Джорджини, и потребовал именем Виктора-Эммануэля, чтобы он дал ему боевых снарядов и оружия из запасных магазинов. Джорджини не решился; Турр сказал «если вы не верите, что такова воля короля, пойдемте сзвать мною к генералу» — Гарибальди показал Джорджини дневник своей экспедиции и сказал: «я посылаю этот журнал похода к королю; я спонсую не с министерством, а прямо с ним; хотите вы, чтобы в моей депеше было написано, что вы не исполните приказаний, даваемых вам именем короля?» Джорджини убедился и дал все, чего у него требовали. Теперь он арестован и предан суду за это.

а 8 в Орбителло*, где экспедиция провела следующий день. Вечером 9 мая экспедиция пошла прямо к сицилийскому берегу. Неаполитанское правительство очень хорошо знало о ней, и флот его крейсировал во всех направлениях, кроме того, по которому пошел Гарибальди. Маленькие эскадры из двух или больше пароходов были расставлены по главным пристаням острова и старались крейсировать так, чтобы содержать кордон вокруг острова. Особенными предметами их внимания были южный и юго-западный берега потому, что некоторые неаполитанские пароходы доносили, что видели экспедицию, направляющуюся к Тунису**. Два парохода, «Капри» и «Стромболи», стояли в Марсале; они всего часа два или меньше до прибытия экспедиции ушли на крейсеровку. Место высадки не было определено заранее: вдохновенные минуты внушили Гарибальди выбрать наиболее посещаемую кораблями часть острова, а звезда его привела его к гавани именно в промежуток между отходом и возвращением крейсеров***. Если бы не это, высадка могла бы кончиться неудачно. Один из пароходов Гарибальди натолкнулся на скалу у входа в гавань, а другой подошел как можно ближе к берегу. По прежним сведениям, Гарибальди знал, что в Марсале находится гарнизон из 600 человек; он уже делал распоряжения, чтобы высадить небольшой отряд, который прогнал бы гарнизон, и уже тогда начать настоящую высадку, — но лодки, пришедшие от берега, привезли известие, что в Марсале нет ни одного солдата. Потому высадка стала делом довольно легким. К пароходам были подведены баржи и перевезли все на берег; а когда все уже было перевезено, явились неаполитанцы и начали стрелять в душевное свое наслаждение, не сделав никакого вреда, кроме того, что нанесли легкие раны двоим людям****. Первою заботою Гарибальди было перервать телеграфическую проволоку; но она уже успела сообщить в Палермо известие о высадке. Последние две депеши, ею посланные, были: «Показались два парохода, идущие в гавань. Подозрительно, потому что нет на них никакого флага». Через несколько времени: «Два парохода, подняв сардинский флаг, вошли в гавань и высаживают солдат».

Прибытие Гарибальди совершенно изменило характер сицилийского восстания. До той поры разные *squadre dei picciotti* (шайки молодежи) вели

* Таламоне лежит верстах в 20 от границы папских владений, Орбителло верстах в 10, так что делая две сутки маленькая эскадра Гарибальди простояла почти неподвижно у южной оконечности Тусканской берега,—это, между прочим, развлекло мысли неаполитанского правительства: несколько времени оно думало, как мы говорили в прошлый раз, что Гарибальди переменил план действий и хочет уже не плыть в Сицилию, а идти через папские земли в Абрuzzо.

** Кроме причины, указываемой корреспондентом «Times'a», еще и потому, что эти берега лишены больших гаваней, имеют множество маленьких пристаней, которые так уединены, что представляют большие удобства для тайных высадок (потому через них ведется и контрабанда); а главное, в этих частях острова было мало войск, потому и полагалось, что Гарибальди предпочтет какой-нибудь пункт на них, боясь скорой встречи с сильными неаполитанскими отрядами, занимавшими северную часть острова и в особенности северо-западную оконечность его, где Палермо, Трапани, Марсала. Читатель знает, что после Палермо и Мессины город Трапани, лежащий очень близко от Марсалы, служил стоянкою сильнейшего неаполитанского отряда. Предугадая, что неприятель будет руководиться этими соображениями о неверности высадки на северо-западном берегу, Гарибальди направился к нему, и ближайшее место оказалось безопаснейшим, потому что неприятель сажился на его недоступность.

*** По другим известиям, предводителям сицилийских инсургентов было заранее сообщено, где будет высадка,—эти разные сведения можно согласить таким образом: Гарибальди заранее определил сделать высадку на северо-западном конце острова, но не определил, в каком именно пункте берега, протягивающегося от Трапани до Шьякки верст на 150. Марсала лежит в середине этого берега, предоставлявшего на выбор ему несколько пристаней.

**** Читатель, конечно, помнит, что неаполитанские крейсера (два парохода и один парусный фрегат) настигли экспедицию еще до начала высадки, но держались в отдалении, пока волонтеры сошли на берег,—крейсера побоялись напасть, хотя каждый из их трех кораблей мог бы легко один сладить с обоими пароходами Гарибальди. Читатель знает также, что в извинение неаполитанский командир написал, будто бы английские военные пароходы помешали ему стрелять, став между ним и пароходами Гарибальди; что потом была доказана ложность этой отговорки и неаполитанское правительство принуждено было формально признать нависание английскому за клевету. Но еще любопытно вот что: неаполитанский

партизанскую войну, почти не имея связи между собою. Какой-нибудь земле-владелец, пользующийся влиянием, или какой-нибудь простолюдин, особенно энергический, собиравший всех, кто хотел пристать к нему и имел какое-нибудь оружие. Тактика их была в том, чтобы являться и исчезать по разным местам и тревожить, бросаясь из безопасных убежищ, королевские войска, проходившие внутри острова; но никто не имел ни мысли, ни мечты составить общий план или сразиться с королевскими войсками в открытом поле. Гористая местность и отсутствие больших дорог очень облегчали такой род войны, а отсутствие опасности и изнурительности привлекало к ней и тех, которых не привлекала бы одна ненависть против неаполитанцев. Страна между Палермо, Трапани, Марсалою и Корлеоне* была главным местом этих *squadre*, из которых многие тогда находились в цепи гор, возвышающихся над Палермо.

Имя и авторитет Гарибальди и привезенное им подкрепление стали связью между этими разными толпами, сошедшимися под его начальство. Лишь только разнеслась весть о его высадке, толпы инсургентов из окрестностей Трапани, Корлеоне и еще двух-трех городов присоединились к нему. Против этих сил, увеличивавшихся с каждым днем, был послан по направлению к Марсале и Трапани бригадный генерал Ланди. Дорога в эти города одна и та же до Калата-Фими, лежащего на вершине высокой террасы, а далее она разделяется на две ветви; потому корпус, стоявший в этом узлу, отрезывает сообщение по всем настоящим путям из Палермо в Трапани и Марсалу. Генерал Ланди занял позицию на нижних уступах этой террасы; у него было 4 батальона, в том числе один стрелковый, и 4 горные орудия. Дорога из Марсалы, прошедши через Салеми, спускается одной из тех длинных террас, которые составляют характеристическую черту местности в этой части Сицилии, и, перерезав небольшую долину, поднимается на другую террасу, на которой стоит Калата-Фими. Таким образом, это позиция, которую взять чрезвычайно трудно. Подобно всем солдатам подобных им армий, неаполитанцы, имея превосходные штуцера, полагаются всего больше на свой огонь, особенно если перестрелку можно вести с дальнего расстояния. Потому они встретили Гарибальди и его воинов так жарко, что сицилийские инсургенты скоро стали искать убежища, где только могли, оставив все дело на плечах одних тех волонтеров, которых привез с собою Гарибальди. Альпийские стрелки оправдали свою репутацию и, несмотря на знойность дня, на выгоду позиции, на превосходство числа, штыками погнали неаполитанцев с одной позиции на другую. Один студент из Павии, юноша, имеющий никак не больше 18 лет, первый ворвался в ряды неприятеля. Меньше чем в два часа неаполитанцы были прогнаны со всех своих позиций и бежали по пути к Палермо. В деревне было найдено письмо, написанное генералом Ланди. Он просит палермского коменданта прислать ему подкрепление, говоря, что не может держаться против Гарибальди. Он также извиняется в том, что потерял одно орудие, говоря, что мул, на котором оно было навьючено, был убит, — ложь, потому что орудие взято с лафетом и двумя запряженными мулами, которые остались в добром здравье.

Бригада, потерпевшая значительные потери, сначала не была тревожима на своем отступлении и прошла через Алькамо**, не подвергаясь нападению. Но в Партенико***, где неаполитанцы принялись грабить, жечь и резать

флотский командир, не отваживаясь сам приблизиться на пушечный выстрел к пароходам, Гарибальди, не имевшим и вооружения (это были торговые пароходы, без пушечных люков) просил английского капитана, чтобы он напал на эти пароходы; английский капитан отвечал, что это не его дело, а пусть нападают на них сами неаполитанцы и, если хотят.

* Относительное положение Палермо, Трапани, Марсалы известно читателю. Корлеоне лежит в глубине острова, верстах в 35 почти прямо на восток от Палермо, образуя четвертый угол параллелограмма, ширина которого 30—35 верст, длина — 100—110 и который занимает северо-западную часть Сицилии.

** Верстах в 10 от Калата-Фими, по дороге в Палермо

*** Верстах в 20 далее за Алькамо, уже на половине расстояния от Калата-Фими до Палермо.

жителей без всякого разбора, бросая женщин и детей в огонь, народ восстал, засел в домах и начал стрелять из них по солдатам, которые тут уже совершенно расстроились в своем бегстве. Гарибальди не такой человек, чтобы терять время. Но необходимость согласить свой план действий с толпами инсургентов, бывшими около Палермо, не допустила его занять монреальскую позицию врасплох.

Чтобы дать вам понять важность этой позиции и дальнейший ход действий, я должен сказать несколько слов о топографии Палермского бассейна. Подъезжая к Палермо с моря, вы очень издаleка уже видите крутую глинистую гору, которая стоит особо и несколько напоминает гибралтарскую скалу, только не так высока. Эта масса составляет северный край Палермского залива и Золотой раковины (Coppa d'Oro), плодородной равнины, на которой лежит город. Равнина идет в направлении с северо-запада на юго-восток, в том же направлении тянется полукругом и горная цепь. Сколько я могу сообразить, равнина имеет всей длины миль 12 (верст 20), а всей ширины миль 4 или миль 5 (верст 7 или 8). В промежутке этой одинокой горы (Monte Pellegrino) и остальной цепи равнина проходит к ла-Фаворите, через которую идет дорога в Карини*; в противоположной ** стороне равнины, вдоль по морскому берегу, идет шоссе в Мессину, через Бацарию, мимо развалин Соленто. Эти два места легчайшие выходы из равнины, — во всех других пунктах непрерывная цепь гор отрезывает, повидному, всякое сообщение с нею. Подле самой ла-Фавориты плохая горная дорога идет прямою линиею через Сант-Мартину на Карини. Влево от этой дороги поднимается утесистая великолепная гора, похожая на погасший кратер; она несколько выступает вперед в равнину, и от нее тянется высокий отрог по одному направлению с главным хребтом. Этот отрог — Монреале; из Палермо виден знаменитый монреальский монастырь, видна и большая часть села. Через эту террасу идет шоссе в Трапани. Позади отрога и террасы, где стоит Монреале, гора образует род амфитеатра колоссальных размеров; гора вспахана уступами, которые, возвышаясь один над другим, содействуют ей походить на амфитеатр. В том месте, где амфитеатр кончается и гора начинает снова выступать вперед в равнину, видны на спусках ее два белые села, Парко и Madonna delle Grazie; через них проселочная дорога ведет в Riapa dei Greci и в Корлеоне *** — две древние албанские колонии, основанные, подобно многим поселениям в этой части Сицилии, албанцами, эмигрировавшими после смерти Скандербега. Другой отрог идет в равнину, образуя другой амфитеатр, еще обрывистее и живописнее монреальского; над ним возвышается Джебель-Россо. Тут по глубокому ущелью идет тропинка, по которой можно ехать только верхом: это Piazza della Mazzagna, Мауцанский проход, ведущий в деревню Мисильмери ****, лежащую на единственном шоссе, ведущем в глубину острова и доводящем до Катании. Джебель-Россо имеет пологость к морю и к Цаффаранскому мысу *****; и по нижней части его спуска ведет шоссе из Палермо в Катанию; оно идет почти параллельно с приморскою ***** дорогою до Абате, а потом сворачивает к югу.

Из этого описания вы видите, что неаполитанцы, владея морем, имели все выгоды концентрического положения, особенно важные в деле с врагом, слабым артиллериею и страшным преимущественно только в горах. Местность явно указывала им, что надобно сосредоточить все их силы в равнине и кроме

* Город верстах в 15 на запад от Палермо, бывший театром неаполитанских неистовств, о которых мы говорили в прошедшем обозрении.

** Юго-восточной.

*** Riapa dei Greci лежит почти на половине пути из Палермо в Корлеоне.

**** Дорога в Riapa dei Greci и в Корлеоне идет из Палермо почти прямо на юг, а дорога в Мисильмери на юго-восток, почти в одинаковом расстоянии от корлеонской и от мессинской (прибрежной) дороги. Мисильмери лежит верстах в 15 от Палермо.

***** Цаффаранский мыс — юго-западная оконечность Палермского залива и равнины, северо-западную оконечность которых образует Monte Pellegrino.

***** Мессинскую.

равнины занимать монреальскую террасу, которая сама по себе сильная позиция, господствующая на довольно далекое пространство над дорогами, ведущими к Палермо из глубины острова. Невыгода атакующего значительно увеличивалась трудной гористой местностью, — горы уничтожают почти всякую возможность бокового сообщения между расходящимися от Палермо дорогами, так что всякая перемена пункта атаки требует длинного обхода. Неаполитанцы, много лет изучавшие местность, хорошо знали все эти выгоды и сосредоточили все свои силы в равнине, еще заняв только монреальскую террасу.

Гарибальди не мог соединить своих сил к такому времени, чтобы прийти в Монреале прежде, чем неаполитанцы заняли его большими силами, и когда он, через четыре дня после калата-фимской победы, подошел к этой позиции, он увидел, что нельзя было бы взять Монреале без больших потерь. Потому он решился изменить свои планы. Первым его делом было окружить Палермо и занять все выходы из него; для этого разные отряды инсургентов заняли позиции вдоль всей цепи гор, опоясывающих залив. Когда ночью они разложили огни, красное зарево которых сливалось с бледным светом месяца, картина была великолепная. Палермитцы наблюдали за ними с такою внимательностью, как персы за своим священным огнем; как будто единственным их занятием в последнюю неделю было наблюдать их, истолковывать их значение. Вот огни, кажется, становятся ярче на одном пике, вот они растягиваются длинным, как будто непрерывным рядом по спуску другой горы, и горожане, не посвященные в тайну, жили надеждами, разгромившимися от этих огней. Палермо был в невыразимом волнении, в таком сильном волнении, что не удерживалось оно и осадным положением, объявленным в городе. Тайный комитет, сохранявшийся невредимым, несмотря на бдительность и подозрительность полиции, постоянно находил средства сноситься с Гарибальди, как ни старалось перервать их военное начальство. Было известно, что тайный комитет существует; почти ежедневно он распускал по городу печатные прокламации; но он был так организован, что полиция, хотя и знала о его существовании, никак не могла открыть его членов. Это было нечто вроде масонской организации, с разными степенями посвящения. Никто из людей, не бывших его членами, не знал больше, чем только одного из его членов. Место заседаний беспрестанно изменялось, переносясь из одного дома в другой. Но все безусловно повиновались комитету.

Он уведомил Гарибальди, что Палермо готов восстать, но требовал того условия, чтобы Гарибальди явился перед воротами города. Гарибальди принял условие и оставил свой план сообразно с ним. Видя, что опоздал занять Монреале, он оставил часть сицилийских инсургентов поддерживать огни и затрагивать неаполитанцев, а сам с главными силами ушел и, сделав почти невероятный переход по горному хребту, где пушки надобно было нести людям на плечах, он вдруг 23 мая явился в Парко, лежащем по дороге в *Piana dei Greci**. Как только неаполитанцы заметили свою ошибку, они с торопливою горячностью послали за ним все свои силы, какие только могли отправить в погоню, не подвергая опасности своих городских позиций. Но им показалось, что у них все-таки силы недостаточны, а после нескольких стычек, бывших в этот день, они опять вернулись на свои позиции на двух нижних террасах, *Piana Borazzo* и *Santa Teresa*. На следующий день они привели несколько войск из Монреале и, усилившись ими, произвели вторую атаку, — ту самую, которую видел я с корабля. Цель была достигнута; они дали во второй обман. Гарибальди ушел от них, оставив за собою против них лишь несколько сицилийских отрядов, которые скоро также пошли за ним. *Reggi*, как называют неаполитанских солдат, вошли в тот же вечер в *Madonna delle Crazie* и в Парко, разграбили и сожгли эти селения, убили не-

* То есть он, подступив к Палермо сначала с западной стороны, перешел теперь на южную сторону, а потом, как увидим, перешел на восточную, когда неаполитанцы двинулись за ним на юг.

сколько мирных жителей и обнародовали на другой день блестящий бюллетень, объявляя о разбитии шаяк Гарибальди и о скорости возвращения бунтовщиков к покорности. Неаполитанским бюллетеням вообще не очень верили, но у многих палермцев похолодела кровь в жилах, когда они увидели, что Гарибальди отступает во второй раз.

Мало знали они, мало знали и неаполитанцы человека, с которым имели дело, хотя следовало бы им помнить Беллетри. Он *reculait pour mieux sauter* *. Чтобы лучше обмануть неаполитанцев, он отступил до *Piana dei Greci*, свою артиллерию усладил еще дальше назад, а сам с отборным отрядом снова пошел по горам, и пока неаполитанцы шли за ним к *Piana*, он вчера утром вышел на Катаннийское шоссе в Мисильмери, где был им назначен сборный пункт всем капитанам (как они называются) инсургентов в той стороне гор.

Я измучился неверными слухами, которые одни только можно было иметь в городе и которые оставляли бы ваших читателей во мраке относительно истинного положения дел. Я мало знал тактику храброго генерала; кроме того, я чувствовал, что готовятся такие вещи, которые лучше увидишь, выехав из города, чем оставаясь в нем; потому решился попробовать, не удастся ли мне пробраться за город. Некоторые английские и американские офицеры ездили в этом направлении и видели одного капитана инсургентов, простолюдина из здешних мест, Ла-Маццу. Я решился попытать своего счастья. Некоторые из городских друзей показали мне дорогу, и я поехал в экипаже одного из них. Дорога в Мессину, выходя с приморья из *Villa Giulia*, идет по берегу до Абате, где пересекается шоссе, ведущим в Мисильмери и Катанию. Мне посоветовали ехать по этому шоссе, которое меньше тревожат солдаты. Отчасти от надежды на свой флот, отчасти от обмана, в какой ввела их стратегема Гарибальди, неаполитанцы обращали мало внимания на эту дорогу и вообще на юго-восточную сторону. Двое часовых при выезде из *Villa Giulia* и пикет из двух десятков человек несколько подалее, в сторожевом доме городской таможни, — вот единственные солдаты, которых я встретил в окрестностях города. Одинокие домики глянются, с промежутками один от другого, до моста через речку или горный поток Орвето, впадающий в море, от которого дорога в одной четверти мили (200 сажень). По всему этому ряду домов была цепь часовых, а у моста пикет человек из 80, из которого и посылались эти часовые.

Я проехал мимо них без допросов и очутился на свободе. Неаполитанские пароходы ежедневно крейсировали вдоль этого берега, потому неаполитанцы и не находили надобности в других предосторожностях. Пара калабрийских лошадей везли меня довольно быстро; я проехал мимо нескольких американских офицеров, вероятно ехавших в Саленто. У самых ворот города жители присоединялись к инсургентам. Между ними и королевскими войсками было что-то вроде нейтральной полосы, кончавшейся в деревне за Абате, имени которой я не могу припомнить. Если были беспечны *Regii*, то не были инсургенты. У входа в эту деревню один из их вооруженных людей попросил позволения быть моим проводником, — в чем я и нуждался. Когда мы ехали по деревне, народ подбежал к нам и ловил мои руки, чтобы целовать их, прося у меня оружия. Все жители готовы были пристать к инсургентам, но не имели оружия, что, однако, не мешало им кричать виватой Италии, Виктору-Эммануэлю и Гарибальди. Нам должно было пустить лошадей вскачь, чтобы не быть останавливаемыми на каждом шагу. Проскакав полчаса по легкому спуску в очень красивую долину, опоясываемую великолепными горными видами, мы приехали в Мисильмери, маленький и плохой городок бесхарактерной архитектуры. На одной стороне небольшой площади заседал комитет, образовавший род временного правительства; на другой стороне, на деревянном крыльце, выступавшем на площадь, восседал в обстановке первобытной простоты начальник штаба гарибальдиевской экспедиции полковник

* Отступил для разбега. (Прим. ред.)

Сиртори. Он в эту минуту выдавал двум молодым американским офицерам с военного парохода «Ирокезец» паспорт, без которого никого не впускают в лагерь. Он, кроме того, дал им в проводники офицера; я присоединился к ним, и мы поехали к высотам, ведущим на Джебель-Россо и в Меццанский проход. Скоро остались налево позади нас последние домики города и феодального замка, белые глиняные стены которого имели в себе что-то, напоминавшее скелет. Вся окрестность засажена оливковыми деревьями, виноградниками, разными хлебами, и все росло роскошно, несмотря на каменистую почву. Генерал расположился лагерем на довольно обширной террасе, прямо над развалинами; она с одной стороны нависла над равниною и холмами, гряда которых кончается Цаффаранским мысом; а с другой стороны виднелись скалы Джебель-Россо и Меццанский проход, отделяясь от лагерной террасы ложбиною, которая походила на угасший кратер и теперь отчасти была под водою, собравшеюся от сильных дождей, бывших в последние дни. Панорама эта была одна из тех, которые невольно внушают вам мысль раскинуть тут вашу палатку, если у вас есть палатка. Это слово вычеркнуто из военного словаря Гарибальди. Но популярный генерал должен во времена делать уступку своим солдатам, и теперь он позволил, чтобы они воткнули для него в землю четыре штуки из тех пик, которыми вооружены отряды, не имеющие ружей, и накиннули на них ковер. В этой палатке лежало в должности подушки гуачосское седло на черной овчине, служившей постелью. А для других людей отряда были оливковые деревья, дающие хорошую тень, были для изголовья камни, и на одного из десятерых был плащ или ковер. Кругом были постановлены лошади, — почти все без привязей, но держали они себя чинно. Когда мы приехали, самого генерала не было в лагере, он отправился в один из своих утренних объездов; но перед его палаткою были все его верные спутники: полковник Турр¹, венгерец, еще страдающий от прошлогодней раны в руке, но всегда готовый явиться туда, где есть опасность; полковник Биксио², другой надежный спутник, известный офицер корпуса альпийских стрелков; полковник Карини³, храбрейший из сицилийцев, также офицер этого корпуса, и много других, подобных ему храбростью, в числе их сын Гарибальди⁴, юноша с полученною при Калата-Фими ранюю в руке, и сын Даниэля Манини⁵ с ранюю в ноге. Тут стоял и бывший священник Гуцмароли, романолоец, восторженно преданный своему герою, следующий за ним повсюду, как тень, заботящийся об его удобствах, охраняющий его в минуту опасности. Тут был и небольшой отряд колонновожатых, большею частью людей из почетных ломбардских фамилий — они должны были ездить верхом, но ходили пешком первые в атаку. Не менее других тут замечательна личность сицилийского монаха, «брата» Панталеоне, похожего на тех монахов, которых видим на средневековых картинах. Полный пламенного патриотизма и никому не уступающий мужеством, он присоединился к инсургентам в Салеми*, сильно воодушевляя их. Тут было также много влиятельных людей из Палермо и его окрестностей, было несколько священников и монахов, принадлежащих к самым искренним и энергичным селятелям восстания. Они составляли странность в этой не слишком усердной к католицизму армии; но, уверяю вас, они держат себя так, что самые кипучие из юношей-волонтеров чтят и уважают их и в них сан их.

Вся эта пестрая толпа, увеличившаяся теперь двумя молодыми офицерами американского и, через несколько минут после них, тремя офицерами британского флота, собралась около центра — дымящегося котла с лежавшею в нем четвертью телянка и обильною приправою лука; а подле котла стояла большая корзина с хлебом и бочонок марсальского вина. Каждый угощался самым коммунистическим манером, работая ножом и пальцами и торопливо опоражнивая единственный на всю компанию оловянный стакан. Только на такой иррегулярной войне вы можете видеть эти сцены в полном их совершенстве. Долгие марши и контрмарши, дожди, битвы, ночлеги на

* То есть пред битвою при Калата-Фими.

голой земле сделали почти каждого достойным явиться хорошею фигурою в картине Мурильо, в обстановке, имеющей своим фоном громадные сицилийские горы, которых не воспроизведет никакая кисть.

Вскоре по приезде явился Гарибальди и принял своих иноземных посетителей с тою очаровательною, спокойною простотою, которая характеризует его; с большою мягкостью он исполнял неизменно повторяемые каждым гостем просьбы дать автограф и отвечал на множество вопросов, которыми натурально осыпали его. Только по отъезде гостей он снова принялся за свои занятия. Вопрос шел, ни больше, ни меньше, как о том, чтобы в ту же ночь сделать попытку внезапной атаки на Палермо. По всем полученным известиям не оставалось сомнения, что неаполитанцы пошли на брошенную им удочку, что они приняли притворное отступление за поражение, а отправление пушек в глубину острова за признак отчаяния инсургентов. Они, повидимому, не имели даже и предчувствия о фланговом движении к Мисильмери: люди, приходившие из *Piana dei Greci*, говорили, что главные неаполитанские силы находятся там, а другой сильный отряд — в Парко и по дороге дальше за Парко. Известия говорили также, что в Монреале находится несколько тысяч неаполитанцев. Действительно, подступы к Монреале и Парко, образуемые деревнями *Piana di Bogazzo* и Тереза, которые обе стоят подле королевского дворца, на юго-западной стороне города, были пунктами сосредоточения неаполитанцев, а подступы к южной и юго-восточной частям города остались мало защищены. Прежние события заставили неаполитанцев обратить внимание на топографию Палермо, чтобы оставаться владыками его, в случае народного восстания. Это нелегко в Палермо, городе истинно южной постройки, составляющем лабиринт узких, извилястых улиц, по которым идут дома, все снабженные балконами. Такая постройка очень затруднительна для войск в уличной битве; неаполитанцы, как только могли, старались уменьшить эту невыгоду. Главными путями сообщения в городе служат две улицы, очевидно испанского происхождения: первая, называющаяся Толедскою, выходя с моря у *Porta Felice* *, проходит по городу прямой линиею с северо-востока на юго-запад мимо собора св. Розалии и оканчивается на обширнейшей из палермских площадей, королевской площади (*Piazza Reale*), в противоположном конце города, где входят в него дороги из Монреале и Парко. Кроме королевского дворца, построенного, как говорят, на месте древнего дворца сицилийских эмиров, на этой площади стоят еще несколько больших общественных зданий: один угол ее образует Архиепископский дворец, а другой угол — большой монастырь св. Елизаветы. Местность слегка возвышается по направлению к этой части города, господствующей над всеми остальными. Под прямым углом перерезывает Толедскую улицу другая такая же прямая улица, называющаяся Макарадскою; она, выходя от Сан-Антонийских ворот и прорезывая весь город, выводит на дорогу к ла-Фаворите и к молу в гавани. Две эти улицы пересекаются в самом центре города на восьмиугольной площади, называющейся Болонскою (*Piazza Bologna* **). Нижняя половина города от моря до этой площади была почти покинута жителями, или, лучше сказать, оставлена ими нежному попечению неаполитанских матросов и цитадели, возвышающейся на прибрежном холму близ северо-восточного угла города. Несколько караулов у ворот этой части города, — караулов, способных почти только стеречь, а не оборонять ворота, и около роты солдат в здании финансового управления, находящемся в этой части города, — вот все войска, которые были у неаполитанцев в нижней части Палермо.

Для поддержания сообщений с верхнею половиною города, бывшею настоящим центром обороны, и с морским берегом неаполитанцы устроили за городом две большие военные дороги или улицы (*Stradoni*): обе они выходят от королевского дворца; одна идет к морю мимо *Villa Giulia*, большого куп-

* Название ворот, протола. (Прим. ред.)

** Болонская площадь. (Прим. ред.)

личного сада, выходящего на морской квартал; другая идет через квартал Quatri Venti на мол. Эта вторая военная улица всегда считалась линиско отступления к кораблям; по ней построены большие здания: политическая тюрьма, несколько казарм, уголовная тюрьма и, наконец, верки мола.

Соображая все это расположение дел, Гарибальди составил план внезапно напасть на караулы в нижней, слабо защищенной части города, сбить их, ворваться в город и потом постепенно прокладывать себе путь из улицы в улицу. Две дороги, ведущие к этой части города, идут почти параллельно и близко друг от друга. Та, которая идет по самому морскому берегу, охранялась слабее другой: ее занимала всего какая-нибудь одна рота, совершенно отрезанная от всяких сообщений. Достичь своей цели по ней было бы легче; но следовало опасаться, что движение длинной колонны будет замечено и будут предуведомлены о нападении главные силы неаполитанцев. Потому операционной линией была выбрана другая дорога. Эта дорога — шоссе, идущее из Палермо в глубину острова; перерезывая в половине мили ($\frac{3}{4}$ версты) от города Адмиралтейскую дорогу (Del Ammiraglio), она через широкую открытую улицу ведет на ту военную улицу (Stradone), которая лежит с этой стороны города, а потом входит в город у Терминских ворот. Подле этих ворот неаполитанцы сделали баррикады из мешков, насыпанных песком; они были заняты двумя ротами. Военная улица перед баррикадами обстреливалась несколькими горными орудиями, поставленными у Сан-Антонионских ворот. Подступ к военной улице по шоссе обстроен маленькими фортами, идущими вдоль дороги до самого моста, а аванпосты стояли по другую сторону моста.

С тем верным стратегическим тактом, которым бесспорно владеет Гарибальди, он выбрал этот пункт, как самый удобный для атаки. За исключением волонтеров, приехавших с ним, у него были только недисциплинированные, непривычные к войне партизаны; потому он расчел, что лучший шанс успеха для него — сосредоточить все силы, чтобы внезапно сбить противника. Всеобщее восстание горожан должно было помогать его операциям.

Составив этот план, он созвал партизанских капитанов и объяснил им свое намерение. Он сказал им, что не в его обычае собирать военные советы, но что теперь он почел нужным посоветоваться с ними, потому что от решения, какое теперь будет принято, зависит судьба Сицилии и, может быть, всей Италии. Надобно теперь выбрать, сказал он, одно из двух: или попытаться овладеть Палермо посредством неожиданного нападения, или отступить и начать организовать регулярное войско в глубине острова. Я, с своей стороны, сказал он, считаю лучшим сделать внезапную атаку, которая разом решит судьбу острова. Высказав это, он просил их быть краткими в своих замечаниях и не тянуть совещания. Почти все были изумлены отважностью этого плана; некоторые заговорили, что их отряды имеют мало боевых зарядов. Он сказал им в сотый раз, что неаполитанских хорошо вооруженных солдат нельзя побороть долгою перестрелкою, а надобно опрокидывать их стремительною атакою, что не надобно тратить боевых зарядов, не делать даром ни одного выстрела и что им раздадут все патроны, какие только есть в запасе. Когда таким образом возражение было устранено, все с большею или меньшею горячностью одобрили план. Гарибальди отпустил их с просьбой воодушевить инсургентов и поддерживать их мужество.

Первою мыслию Гарибальди было произвести атаку среди ночи: неаполитанцы по ночам не любят беспокоиться, и была почти полная вероятность, что они подвергнутся паническому страху. Но и для сицилийских инсургентов такая атака была бы трудна; потому Гарибальди рассудил распорядиться так, чтобы войска его подошли к городским воротам на рассвете. По первоначальному и лучшему плану самого генерала и его генерал-адъютанта, полковника Турра, полагалось двинуться по шоссе из Мисильмери: оно так широко, что можно на нем довольно развернуть силы, и вообще представляет все удобства. Но сицилийские капитаны рекомендовали идти через Меццан-

ский проход, спускающийся в палермскую равнину с высот, находящихся за Джебель-Россо. По их словам, путь этот гораздо короче и вовсе не труден. Их словам поверили, и всем силам было приказано с наступлением ночи сосредоточиться у верхнего конца прохода, где стоит церковь.

По первоначальной диспозиции в авангарде следовало идти волонтерам, приехавшим с Гарибальди, а сицилийским инсургентам следовать за ними. Но некоторые капитаны просили, как милости, чтоб их отрядам было позволено первым взойти в город, — требование такое, отказать в котором было нелегко. Потому план был изменен. Колонновожатые и по три человека из каждой роты альпийских стрелков были сведены в маленький авангард, который вверен был майору Тюкёри, венгерскому офицеру, отличившемуся под командою генерала Кмети 29 сентября в Карсе. За этим передовым отрядом шли сицилийцы, которыми командовал Ла-Мага, эмигрант, приехавший с Гарибальди. Во второй линии были генуэзские стрелки, все вооруженные швейцарскими штуцерами и превосходно ими владеющие. За ними шли два батальона альпийских стрелков, а потом остальные сицилийцы.

По этим распоряжениям разные отряды стали один за другим подвигаться к верхнему концу дефиле; генеральному штабу немного нужно было времени, чтоб собраться; он скоро снялся с своего лагеря и последовал за войсками. Меня посадили на истинного Росинанта, поводья которого были просто обернуты около морды; седло мое было как будто нарочно сделано по спинным позвонкам моего коня. Но заблаговременно нашелся ковер, и вообще я не могу жаловаться. Дорога к верхнему концу дефиле извивается между гигантскими кактусовыми изгородями, дающими совершенно восточный характер местности. Мы прибыли на вершину в ту самую минуту, как садилось солнце; нам был виден Палермо со своим заливом, казавшийся скорее волшебною декорациею, чем действительным пейзажем. Все горы с своими обрывистыми пиками красноватого цвета тонули в лучах заходящего солнца, принимая от них тот розовый оттенок, который прежде считал я исключительно принадлежностью Аткики. Очаровательна была сцена, простиравшаяся перед нами; оглядываясь назад в глубину гор, мы видели одну из картиннейших местностей, какие только встречались мне: вся страна блистала весенними цветами, благоухание которых понеслось с удвоенною силою, когда солнце закатилось. Этот горный проход оказался дурною дорогою для экспедиции, но вид его был очень мил.

Для поддержания неаполитанцев в той мысли, что они совершенно безопасны с этой стороны, были разложены попрежнему большие костры на вершинах гор; и долго после нашего отхода огни поддерживались нарочно оставленными для того людьми. Гарибальди взвезал на самую вершину, чтобы обозреть позицию или, быть может, чтобы предаться мечтам, которые овладевают им в такие торжественные минуты и кончаются сосредоточением всех его способностей на цели, лежащей перед ним.

Вечерняя пушка цитадели давно была повторена эхом гор; месяц ясно стал над нашими головами, придавая новую очаровательность живописной сцене; наконец мы пустились в поход.

Перед началом похода «молодцы» (Picciotti), как называются инсургенты, были приведены в некоторый порядок; вы, конечно, поверите мне, что не совсем легко было исполнить это дело ночью: капитан не узнавал своих солдат, солдаты не узнавали своего капитана, каждый становился на чужое место, никто не откликался на призыв. За исключением волонтеров, приехавших с Гарибальди, все остальное войско казалось беспорядочною массою, которую почти невозможно устроить; но постепенно люди каждой команды собрались по своим местам, и в десять часов вечера начался поход. Сицилийские капитаны или никогда не осматривали Меццанского дефиле, или должны иметь странные понятия об удобных дорогах. Весь этот проход — просто тропинка среди огромных камней, беспрестанно переходящая русло горного потока, часто идущая по самому руслу, в других местах идущая через кучи мелких камней и по самым страшным ущельям; прибавьте к этому, что спуск

имеет крутизну 25 градусов и что по такому пути надобно было идти ночью. Солдаты могли проходить только поодиночке; от этого наша колонна страшно растягивалась и беспрестанно происходили останки. Генерал клаясь, что уже никогда не поверит сицилийским донесениям о какой-нибудь горной дороге. Но как бы то ни было, мы достигли наконец равнины, вошли в оливковые рощи, растущие внизу. Наши лошади, кованные на шипах, редко падали. Мы остановились, пока кончат спуск все отряды, и во время этой остановки произошел случай, не предвещавший ничего особенно хорошего от наших «молодцов». Лошади в Сицилии ездят большею частью без узд; потому они беспрерывно били; неудобство это было так чувствительно в ночной экспедиции, что некоторых самых упрямых нужно было отослать назад. Но одна из них осталась и начала свои проделки; всадник ее потерял терпение, и она стала бить хуже прежнего. Соседние лошади шарахнулись назад и встревожили сицилийцев, бывших позади их. Из этих «молодцов» многие уже сели было на землю и начали дремать; вприсонках они, вероятно, приняли деревья за неаполитанцев, звезды за гранаты, а месля за колоссальную бомбу; как бы то ни было, но большая часть их одним прыжком очутились в кустарниках по обеим сторонам дороги; многие в испуге начали стрелять из ружей и, если б еще немного, распространился бы общий панический страх. Каждый делал все, что мог для восстановления порядка, но испуг был произведен, и его действие отражалось потом, как вы увидите. Случилось и другое приключение, которое могло повести к расстройству всего предприятия. Сицилийские проводники, бывшие в передовом отряде, сбились с дороги и вместо тропинки, выводящей на большую дорогу, на которую мы хотели идти, они продолжали вести нас по проселочной дороге вдоль косогора, которая привела бы нас именно к тому пункту, где находились главные силы неаполитанцев. Ошибка была во-время замечена и поправлена, но не без большой потери времени. Наконец колонна вышла на большую дорогу, широкое шоссе, опоясанное высокими заборами садов. Мы потеряли много времени во всех этих проволочках, и приближалось время рассвета. Потому надобно было спешить. Но от усталости или от влияния прежнего испуга наши «молодцы» никак не могли идти быстро. Занималась заря, когда мы миновали первые дома, выходящие по этому направлению далеко за город. Инсургенты, которым следовало бы лучше знать местность, начали кричать свои *evviva*, как будто мы уже дошли до городских ворот. Если б не эта ошибка, наш авангард застиг бы врасплох караул на Адмиралтейском мосту и, вероятно, проник бы в город, не потеряв ни одного человека. Но крики наших «молодцов» не только подняли караул на мосту, а даже доставили неаполитанцам возможность подкрепить отряд, оберегавший Терминские ворота, и приготовиться к обороне местности с фланга.

Таким образом, вместо того, чтобы захватить врасплох мостовой караул, наш авангард был встречен сильным огнем, не только с фронта, но и с флангов, из домов по дороге. При первом залпе почти вся «молодежь» перескочила через садовые стены, но не с тем, чтобы стрелять из-за них, оставив 30 или 40 человек, составлявших авангард, одних под огнем на широкой улице, ведущей к мосту. Был послан вперед первый батальон альпийских стрелков; он не мог в одну минуту взять позицию; потому скоро был послан и второй батальон. Пока они прогоняли неаполитанцев, офицеры всячески старались повести вперед «молодежь». Это было не очень легко, особенно в начале, когда с фронта посыпался гром пушек, хотя и не оказывал он заметного действия. Впрочем, «молодцы» могут быть введены в дело, когда пройдет в них первое неприятное впечатление, особенно когда они видят, что не каждый ружейный выстрел убивает или ранит, что даже и не каждое пушечное ядро делает вред, хотя и страшно шумит. Они могли вполне убедиться в этом нынешним утром, потому что никогда я не видел такой безвредности такого сильного огня, как ныне от неаполитанцев, хотя у них превосходные штуцера. Все хлопотали, чтобы вывести вперед «молодцов», ободрали их, вытаскивали их из их убежищ всеми хитростями и способами, часто

толчками и силою. После нескольких минут смущения почти все они благополучно перебрались через открытое место к мосту; но общая наклонность у них была проходить лучше под мостом, чем по мосту, который, подобно всем мостам через горные потоки, поднят высоко, и в это время обстреливался сильным перекрестным огнем с Piana di Bogazzo, где неаполитанцы пробили в стене амбразуры и поставили несколько пушек, сделавших несколько дурно направленных выстрелов. Пока сам генерал и многие офицеры его штаба хлопотали, чтобы вывести «молодцов» из их убежищ и двинуть их вперед, авангард прогнал неаполитанцев на военную улицу (Stradone), которая идет к морю перед самыми Терминскими воротами. Неаполитанский форт у этих ворот, значительно усиленный в последние дни, открыл жаркий огонь, под которым была вся длинная линия домов, ведущая к мосту; а в то же время две пушки и отряд пехоты, стоявшие у Сан-Антонинских ворот, открыли по атакующим перекрестный огонь. Но все это не было задержкою для храбрых, бывших впереди. Они не стали тратить времени на перестрелку, а бросились в штыки. Командир авангарда, венгерский майор Тюгёри, с тремя из вожаков первые перебежали через баррикаду из песочных мешков в город; но их предводитель был ранен пулею, раздробившею ему левое колено. Других убитых или раненых тут почти не было в авангарде и у стрелков. Пока они гнали неаполитанцев с позиции на позицию, палермцы также начали подниматься, но для соблюдения правды надобно сказать: только в кварталах, покнутых войсками.

Та же самая сцена, как у моста, повторилась при переходе «молодцов» через военную улицу: они шли вперед неохотно. А надобно было скорее войти в город, чтобы не подвергнуться нападению с флангов или в тыл; в Piana di Bogazzo стояли неаполитанцы. Чтобы предупредить эту опасность, несколькими отрядам инсургентов было приказано зайти за садовые заборы, опоясывающие дорогу, по которой неаполитанцы могли бы прийти в левый фланг нам. Эта диверсия и, по всей вероятности, неохота неаполитанцев сражаться на открытой местности были достаточны для отвращения опасности: почти все медлившие «молодцы» прошли в город. Тут же построили атакующие для защиты своего тыла баррикаду из всего, что только попадалось под руки. Это дело так понравилось «молодцам», что они начали строить баррикаду и во фронте перед собою, — прежде, чем успели остановить их, они завалили часть дороги, по которой надобно было идти.

Но самым критическим делом решительно был переход через военную улицу, которая обстреливалась перекрестным огнем, и всевозможные хитрости были употреблены, чтобы заставить «молодцов» совершить этот подвиг, казавшийся для них смертельным. Я с одним из товарищей Гарибальди насильно вывел одного из них под огонь и не пускал назад, — это скоро заставило его перебежать через улицу. Здесь-то особенно обнаружилось, как дурно направляли свой огонь неаполитанцы. Я смотрел несколько времени и не видел ни одного человека раненого. Для ободрения «молодцов» один из генуэзских стрелков взял несколько стульев, поставил на одном из них трехцветное знамя, сел сам и просидел несколько времени. Это наконец действовало, и «молодцы» ободрились до того, что останавливались на переходе через военную улицу, чтобы выстрелить из ружья.

Прямо подле Терминских ворот находится старый рынок (Vecchia Fiera), — он был первым местом, где Гарибальди сделал остановку. Надобно знать сицилийцев, чтобы понять, какой бешеный крик, шум, гвалт они подняли: все хотели целовать его руки, обнимать его колена. Каждая минута приводила новые массы, поочередно входившие на площадь и нетерпеливо ждавшие своей очереди. Когда волонтеры Гарибальди постепенно очистили нижнюю часть города, почти все жители сошлись на площадь, посмотреть на освободителя Палермо и Сицилии, прокричать приветствие ему. Он вошел в город около половины 5 часа утра, а к 12 часам дня более половины города было очищено от войск. Но за два часа перед тем цитадель открыла по городу огонь, сначала довольно умеренный, но скоро очень усилившийся.

Она стреляла 13-дюймовыми бомбами, калеными ядрами и всяческими другими снарядами, наносящими большое разрушение. Часов около 12 открыли огонь и корабли, стоявшие в гавани; вместе с цитаделью они успели разрушить множество домов в нижней части города. Множество людей обоего пола и всех возрастов было убито и ранено. Две большие бомбы были брошены прямо на госпиталь и разорвались на одном из его дворов. Повсюду мы видели разрушение и пожары, убитых и раненых; кроме этих людей, многие другие, конечно, погибли под развалинами домов. Особенно пострадала часть города около Болонской площади и некоторые из улиц, соседних с нею. Если целью неаполитанцев было внушить ужас, они достигли этой цели. Кто только мог, скрывался в место, казавшееся ему безопаснейшим от бомб, а те, которые не находили себе такого убежища, плакали, молились на улицах, ломая руки. Да, это было печальное зрелище, и бомбардирование больше вредило людям безоружным, чем тем, которым могли бы хотеть мстить неаполитанцы. Перед открытием огня с флота командир неаполитанской эскадры послал учтивое извещение всем стоявшим на дороге иностранным военным кораблям, чтобы они посторонились, а всем судам, бывшим между молотом и берегом, чтобы они вышли в море за мол. Они так и сделали.

Вечер.

Бомбардирование еще продолжается, с небольшими интервалами. Особенно силен огонь цитадели, где царствует наместник короля-бомбы II⁶ — Ланца. Нет сомнения, что адмирал Мёнди сделал командиру неаполитанской эскадры сильные представления по поводу бомбардирования; но их не послушались. Некоторые части города надобно строить совершенно вновь: большие бомбы, пролетая насквозь от кровли до фундамента, потрясали непрочные палермские здания. Некоторые церкви также пострадали. Но все это бесполезное бомбардирование не помешало инсургентам постепенно выгнать королевские войска из всех их позиций в городе, за исключением одной той части, которая лежит около королевского дворца, и линии сообщения их с молотом. В нижней части города они владеют только Амарским фортом (Castello Amare) и зданием финансового управления, в котором находится около роты солдат. Почти все иностранные подданные переехали на свои военные корабли; переехали на них и все консулы, за исключением нашего, мистера Гудуина, который как истинный британец не покидает флага, поставленного над его домом. По всем рассказам, нет и сравнения между нынешним бомбардированием и тем, какое было в 1848 году. Тогда неаполитанцы довольствовались бросанием одной или двух бомб в полчаса, а теперь бросают их так часто, как только позволяет время, нужное мортирам на то, чтобы остыть.

Все пришедшие с Гарибальди измучились до последней степени: всю прошлую ночь они не спали, а весь день была им порядочная работа. Сам генерал теперь отдыхает на террасе, которая окружает большой фонтан на Piazza del Pretorio *, где открыл непрерывное заседание комитет, — тот самый, который с самого начала руководил всем движением. Теперь он обратил себя во временное правительство под диктатурою Гарибальди. Комитет назначил нескольких специальных комиссаров по разным отраслям своих действий и по возможности удовлетворяет многочисленным надобностям, ежеминутно представляющимся. По угнетению, в котором находился здесь народ, мало было можно сделать приготовлений к нынешним обстоятельствам, все надобно устраивать и доставать в одну минуту, не терпящую отсрочки; все надобно теперь: оружие, сколько можно достать его, боевые снаряды, продовольствие для войск, госпитальные припасы; все надобно устраивать. Много такта нужно для того, чтобы удовлетворить каждого, кому нужно или кому

* Площадь претории. (Прим. ред.)

кажется, по его мнению, что нужно то или другое; чтобы выслушать каждого, у кого есть что сообщить или кому кажется, что у него есть что сообщить. У комитета очень много доброй воли, но я должен сказать, что палермцы не содействуют его усилиям так энергически, как следовало бы ожидать от их энтузиазма. В них есть какое-то полувосточное *laisser aller* *, производящее только порывы к деятельности, несовершенные удовлетворяющие требованию обстоятельств.

При первом нашем вступлении в город они очень торопливо причались строить баррикады; но по мере того, как мы овладеваем новыми кварталами, нужно строить беспрестанно все новые баррикады, и довольно трудно удерживать их за неотступной работою. Они много кричат *evviva*, но беганье по улицам предпочитают тяжелому труду. Даже колокольный набат, звук самый деморализующий для армии в многолюдном городе, производит в них, при всех увещаниях, только порывы. Это южная беспечность, скоро побеждающая всякое доброе намерение.

Город иллюминирован, и в промежутки между бомбардированием представляется оживленное зрелище. Но все лавки еще заперты. Иллюминация стеклянными шкаликами, висящими с балконов, производит очень живописный эффект, — он еще усиливается от бомб, летающих по ясному небу.

Палермо. 28 мая. Утро.

От усталости я проспал всю ночь. Но люди не спавшие уверяют меня, что бомбардирование и с кораблей и с цитадели производилось ночью еще яростнее, чем днем. Если бы не это, ночь могла бы пройти довольно спокойно; тишину ее мало нарушали редкие и пустые выстрелы на аванпостах. Только что проснулся я, мое внимание было привлечено шумом людей, бегавших с криком по улице. Я выглянул в окно и увидел двух человек, которые бежали по улице, размахивая платками, с восклицаниями: *viva la libertà* ** Сначала не мог я понять их запоздалого энтузиазма; но потом сказали мне, что они из числа людей, сидевших в тюрьме за политические преступления и только-вот освобожденных теперь, — тут я понял неожиданный взрыв их восклицаний, разумеется возбуждавший достаточное количество отголосков со всех сторон. Несколько сот таких освобожденных бегали по улицам, служа громкою характеристикою бурбонского правительства. Войска, занимавшие тюрьму наместничества (*vicariato*) и соседние с нею казармы, удалились, сели на лодки и переехали в цитадель. Сообщение между войсками, находящимися в цитадели и занимающими *Piazza Reale*, было таким образом прервано.

Второю новостью было то, что войска, стоявшие в Монреале, отступили к городу. Горожане рано поутру могли видеть, как они спускаются по дороге к королевскому двору, увеличивая несколькими тысячами силу расположенных в нем войск. Раздробить силы королевских войск было одною из главнейших целей Гарибальди, когда он делал свои эволюции. Неаполитанцы, зная ненависть народа и многочисленность инсургентских отрядов, готовых вредить им, не отваживались никуда являться иначе, как большими корпусами. Желая удержать за собою монреальскую позицию, они послали туда от 4 до 5 тысяч человек. Отряд такой силы был у них по дороге из Парко в Пиану, — он, как они воображали, преследовал Гарибальди. В цитадели и по дороге к молу также нужен был им сильный гарнизон, так что на защиту самого города оставалась у них только уже не очень большая часть сил.

Ныне поутру пришел неаполитанский пароход «Капри» еще с другим пароходом; оба они наполнены войсками и, надобно думать, хотят высадить их где-нибудь на берег. Эти войска были посланы из Неаполя, когда там еще не могло быть известий о катастрофе. Они, повидимому, колеблются, что

* Предоставлять ходу вещей («плыть по течению»). (Прим. ред.)

** Да здравствует свобода! (Прим. ред.)

им делать при таком неожиданном обстоятельстве, потому что, если б они хотели высадиться, высадка была бы им легка под прикрытием огня из цитадели. Утро ныне идет довольно тихо. С кораблей не делается ни одного выстрела; цитадель умереннее прежнего в своей деятельности.

12 часов дня.

Сейчас я возвратился из главной квартиры, находящейся на Piazza del Pretorio, где тайна молчания кораблей объяснена мне. Адмирал Мёнди каждый день три раза посылает на берег своего флаг-лейтенанта, мистера Уильмота, говорить с нашим консулом, мистером Гудуином, и узнавать, что происходит в городе. Ныне поутру мистер Уильмот был отправлен с другим поручением. Командир неаполитанской эскадры рано поутру приехал на наш корабль «Ганнибал» просить услуг адмирала, чтобы через него выпросить у Гарибальди перемирие и кроме того позволение двум генералам войск, находящихся около королевского дворца, переехать через город на свидание с адмиралом. Адмирал Мёнди отвечал, что не согласится быть посредником ни в каких переговорах, пока не прекратится огонь с кораблей и с цитадели: неаполитанский командир обещал немедленно прекратить огонь с кораблей, но сказал, что не может ручаться за прекращение огня с цитадели, потому что ею командует генерал, не только не подчиненный ему, а напротив, старший его по чину. Он прибавил, однакоже, что употребит все усилия склонить коменданта цитадели, чтобы он, последовав его примеру, прекратил огонь. Тогда адмирал обещал передать просьбу командира генералу Гарибальди. Командир сдержал слово, и его корабли не сделали после того ни одного выстрела. Но, кажется, его убеждения оказались бессильны над комендантом цитадели, который продолжает от времени до времени бросать бомбы, впрочем гораздо умереннее, чем вчера. Просьба командира эскадры, по-моему, еще яснее, чем оставление войсками позиции у мола и оставление госпиталя с 700 больных, показывает, что положение дел не обещает успеха неаполитанцам, по их собственному мнению. Однакоже генерал Гарибальди, с обыкновенным своим великодушием, тотчас же согласился заключить перемирие, остановиться на пути победы и пропустить генералов через город; мало того: он, не дожидаясь распоряжений со стороны неприятеля, разослал приказания тотчас же прекратить неприязненные действия по всей линии атаки и через адмирала уведомил об этом командира неаполитанской эскадры. Это значило слишком далеко заходить в великодушие. Но в характере Гарибальди — верить в свое дело и быть великодушным даже к врагам.

Кроме неаполитанских командиров, и другим также кажется, что победа на стороне Гарибальди. Написав поутру несколько строк, я пошел ходить по городу. Первою моею целью была, разумеется, главная квартира. Сам я живу в гостинице «Тринакрия», прямо против французского консульства. Выходя из своих дверей, я увидел, что джентльмен в синем сюртуке с медными пуговицами, украшенными французским императорским орлом, разговаривает с моим хозяином, который, немедленно представив мне джентльмена с медными пуговицами, как делопроизводителя французского консульства, сказал, что он желает видеть генерала Гарибальди, и узнав, что я иду к нему, попросил взять этого господина с собою. Я согласился, и мы отправились. Во все продолжение дороги делопроизводитель обнаруживал очень пылливое расположение ума, спрашивал меня о числе войска у Гарибальди, о том, владеет ли он городом, хорошо ли он снабжен боевыми запасами, и предлагал множество подобных нескромных вопросов, на которые я отвечал, как только мог дипломатичнее. Он уведомил меня, что имеет сообщить генералу нечто очень важное, а я стал занимать его подробностями о бомбардировании, показывая ему следы его. Так мы добрались на Piazza Pretorio и нашли генерала на террасе большого фонтана. Я представил ему своего спутника, который отвел генерала в сторону и долго говорил с ним, блистая великим красноре-

чем, которое, полагаю, мало подействовало на прямодушного солдата в красной фланелевой рубашке: он хоть и не дипломат, но очень ворко понимает людей.

Взятие Палермо решительно подействовало на окружающую страну. Нет конца «отрядам» инсургентов, сходящимся со всех сторон и нападающим на неаполитанцев. Лишь только неаполитанцы сошли с Монреале, соседние инсургенты заняли его и Сан-Мартино. Они целыми роями нападают на неаполитанцев около Пианы и Корлеоне, так что колонна из 1 500—1 600 человек, посланная по этому направлению, находится в большой опасности. Она надеялась уничтожить Гарибальди, но судьба, которую она готовила ему, может постигнуть ее саму.

Но если общий ход событий решительно благоприятен для Гарибальди, то я должен сказать, что палермцы едва ли исполняют свой долг как следует. Чувства у них у всех хороши, но они страшно бездейственны, у них нет общности в действиях, которую всего больше обеспечивает успех. У них нет никакой инициативы, никакой энергии; единственное, кажется, их занятие — выдумывать и распространять слухи. Четверти часа не пройдет без того, чтобы кто-нибудь не прибежал, запыхавшись, с извещением, что двинулись на город королевские войска, то с той, то с другой стороны. Лошади и кавалерия в особенности кажутся страшилищами палермцев. Единственный полк неаполитанской конницы видится им повсюду. Напрасно они тычутся носами в баррикады, которыми крутом загорожен город, — они видят везде кавалерию. Но хотя и преследует их призрак королевских войск, немногие из них думают, что сами должны помогать своему охранению, приготавливая к обороне свои дома и улицы, будучи всегда сами готовы отражать нападение. Им не приходит на мысль поступать, как поступали ломбардцы в прошлом году: день и ночь заботиться об облегчении страданий тех, которые пролили свою кровь за них. Это не то, что недостаток доброго желания, — нет, это непривычка действовать без приказа. Без приказа они умеют делать только одно — кричать *evviva* да бродить по улицам, собирая новости и сплетни.

Иррегулярные отряды решительно улучшаются. У них развивается вкус к баррикадной и уличной войне. Они еще тратят свои заряды нелепым образом, но начинают держаться на месте и даже двигаться вперед, если перекрестный огонь не слишком силен. Вот наша выгода от уличных битв: чем больше они делятся, тем больше укрепляется дух иррегулярных войск, а дисциплина регулярных войск падает.

Каждый час дает новые доказательства тому в виде пленников и дезертиров из неаполитанских сил. Считая тут и взятых в госпиталях, их должно быть больше 1 000 человек. Есть приказание генерала обращаться с ними хорошо, да и в народе нет общего ожесточения против них; зато тем сильнее ожесточение на сборов, шпионов и солдат *d'armi compagni*, городской полиции, совершавших ужаснейшие дела. Их отыскивают повсюду и приводят человек по пяти-шести вдруг к комитету, трепещущих за свою жизнь. Но до сих пор убит был из них только один, схваченный в ту самую минуту, как стрелял людей, хотевших арестовать его.

Прекращение или скорее ослабление бомбардировки опять вызвало людей на улицы.

Вечер.

Когда пришел я после обеда в главную квартиру, я нашел там всех в сильном негодовании. Бомбардирование с дитадели продолжалось много времени после того, как Гарибальди послал известие, что соглашается на перемирие. Неаполитанцы даже продолжали ружейную стрельбу с аванпостов, хотя строгие приказания Гарибальди удерживали патриотов от ответа на нее. Воспользовавшись прекращением военных действий с их стороны, неаполитанцы зажгли несколько домов и овладели несколькими баррикадами, бывшими во фланге баррикад, устроенных ими на *Piazza Reale*. Несколько га-

рибальдиевских стрелков были убиты или ранены. Генерал писал письмо к адмиралу Мэнди, жалуясь ему на это вероломство, когда (в 6 часов вечера) снова явился к нему от адмирала лейтенант Уильмот, говоря, что от командира эскадры не получено никакого ответа и потому адмирал считает генерала освобожденным от данного обещания. Тогда был дан приказ отбить у неаполитанцев потерянные позиции. Было брошено несколько орси-ниевских гранат, — они скоро прогнали роялистов. Через полчаса лейтенант Уильмот явился снова. Командир эскадры прислал свой ответ, состоявший в просьбе о принятии двух генералов под покровительство британского флага при их проходе через город. Адмирал категорически отказал, и после того командир неаполитанской эскадры объявил, что все переговоры кончены. Этим ответом усилилось мнение, что все переговоры были только хитростью для выигрыша времени и для подготвления какой-нибудь атаки. Ежеминутно приходят новые рапорты, что весь неаполитанский флот в движении, кроме одного фрегата *Ercoli*, вчера бомбардировавшего город. Два парохода с войсками, высадив пять шлюпок своего груза в цитадель, ушли; один из них повел на буксире канонирскую лодку, а другой два купеческие судна. Общее мнение то, что они думают высадить остаток своего груза где-нибудь в другом пункте и произвести общую атаку. Я должен сказать, что, напротив, все это кажется мне более похожим на приготвления к отъезду войск. Как бы то ни было, но патриоты приготовились к встрече их, если они попытаются напасть.

Мая 29. Утро.

Ночь прошла спокойно, — по крайней мере так мне сказывают, потому что сам я проспал ее мертвым сном. Весь неаполитанский флот вышел ночью из гавани в море по прямому пути к Неаполю; но утром корабль командира эскадры явился к востоку, по направлению к Термини, где неаполитанские войска сели на корабли в 1848 году.

Бастион Монтальто, стоящий подле королевского дворца, очищен неаполитанцами, покинувшими в нем большую 32-фунтовую пушку. Отряд, занимавший здание финансового управления, прислал одного из офицеров своих парламентаром с предложением, что он готов удалиться. Гарибальди соглашался отпустить солдат с тем, что они положат оружие. Они отказались, и 32-фунтовую пушкой готовят показать им необходимость сдаться. Кроме того, форт их отрезан от получения воды и продовольствия, так что без сомнения они скоро уступят.

С каждою минутою подтверждается предположение, что эволюции неаполитанского флота имеют целью оградить целость неаполитанских войск, а не вредить патриотам. Когда я пришел на Piazza Pretorio, один из инсургентских капитанов рапортовал, что неаполитанцы отрезаны от всех сообщений — и с окрестностями города, и с морем. Сан-Мартино, ла-Фаворита, Монреале, Парко и округи приморской стороны наполнены партизанами, день и ночь тревожащими неаполитанцев, которые стоят большими силами в Борадцо и Санта-Терезе и пытались вчера, потом опять ныне поутру пройти вперед к Оливуццо, по пути к Сан-Мартино и ла-Фаворите. Вероятно, это движение было хитростью, а истинное намерение их — пробиваться в противоположном направлении, по которому они стреляли.

Пока я был с генералом, пришло письмо из Корлеоне, уведомлявшее его, что полковник, командующий посланною туда неаполитанскою колонною, расположен перейти на сторону инсургентов, если они признают его в полковничьем чине. Он окружен со всех сторон партизанами, пути отступления ему отрезаны, а перед ним инсургенты находятся в большом числе. Ответом было, разумеется, принятие его предложения, полученного косвенным путем.

Это предложение не удивляет меня. Вчера несколько неаполитанских солдат пришли в штатском платье и передались патриотам. Я видел вдур,

В одном месте, человек 60 или 70 пленных и дезертиров, которые все желали получить оружие и стать воинами итальянской независимости.

Но при всем том надобно бы желать, чтобы палермцы да и инсургентские отряды делали больше, чем они делают. Палермцы занимаются как будто только своими *evviva*, а инсургенты только тратят свои заряды.

6 часов вечера.

Часов около 3 дня снова произошел один из панических испугов, повторяющихся ежеминутно, и больше всего деморализующих население и инсургентов. Ушедшие вчера пароходы вернулись, и разнесся слух, что они высаживают на берег войска у Греческих ворот (*Porta dei Greci*), — началась беготня, беспорядочная тревога. Вся эта история была произведена столбом пыли на дороге, идущей к морю. Вечером было несколько сильных перестрелок около *Piazza Reale* и на левой руке от нее, где неаполитанцы занимают бастион, которым фланкируется дворец и который сам защищается цитаделью. Весь вчерашний и нынешний день целью борьбы в этой стороне города было овладеть группой домов, стоящих около бастиона, чтобы, изолировав его, заставить солдат бросить его и бастион св. Агаты. Город так обширен, а у Гарибальди так мало собственных своих солдат, что нельзя им поспеть повсюду и надобно беречь их: они так нужны, что употреблять их в дело можно только при крайней необходимости. Потому почти во всех пунктах главные силы составляют сицилийские инсургенты. Пока зарядов достает у них, дело идет хорошо. Но, к несчастью, они так торопливо стреляют, что и нескольких сот патронов было бы мало каждому из них. Все патроны были уже выпущены на воздух инсургентами в то время, когда королевские войска двинулись вперед, — отряд «молодцов» отступил в соседнюю улицу, и роялисты могли ворваться в другую улицу, где другой отряд их еще держался.

Гарибальди обедал, когда пришло это известие. Слухов о наступлении королевских войск разносилось в тот день столь много, что первое впечатление было — почесть новое известие одною из этих пустых тревог. Но капитан Нива, принесший его, был из числа гарибальдиевских волонтеров, и потому в справедливости известия не оставалось сомнения. Одна какая-нибудь улица или какой-нибудь дом — не важная вещь в таком городе, как Палермо, где их такое множество, что не достанет сил оборонять все. Но важно было нравственное впечатление, какое произведет потеря того, что раз уже взято. С обыкновенным своим тактом, который начинает мне казаться похожим на вдохновение, Гарибальди понял это. Он вскочил со стула со словами: «хорошо, так, верно, надобно мне явиться туда самому». Он видел, что это одна из тех минут, когда командир должен быть впереди войск, чтобы ободрить их. Он сошел вниз, взял с собою людей, попавшихся на дороге к месту потери, и пошел брать отбитый пункт.

Его появление скоро остановило роялистов; они быстро потеряли и ту выгоду, которую только что приобрели. Благодаря удивительному нравственному влиянию, какое оказывает он на всех, окружающих его, Гарибальди скоро успел достичь того, что «молодцы» стали сражаться, и даже одушевил жителей, оставшихся в домах.

Не слушая настоятельных требований своих спутников, чтобы он не подвергал себя опасности, он оставался на улице, без всякого прикрытия, убеждая и ободряя своих солдат. Видя это, неприятель бросился на него из домов и из-за баррикады. Один из «молодцов» получил рану пулею в голову, когда стоял подле самого Гарибальди. Гарибальди поддержал его. Полковника Турра пуля рикошетом ударила в ногу, когда он, схватив генерала, насильно стал уводить его с открытого места. Но впечатление было произведено. Одним прыжком «молодцы» подбежали так близко к неприятелю, что могли бросить орсиниевскую гранату, повалившую 7 или 8 человек; неаполитанцы побежали.

Два парохода, на которых были войска, пристали к берегу и начали высаживать их у цитадели, под прикрытием военных кораблей, стоящих бортом к городу и готовых бомбардировать его. Это показывает, что неаполитанцы не отказались от мысли о борьбе, а еще надеются возвратить потерянное. Эти солдаты не неаполитанцы, — они говорят по-немецки. По мнению некоторых, это баварцы. Посмотрим, ободрятся ли от их присутствия неаполитанцы, упавшие духом.

30 мая. Утро.

Войска, высадившиеся в эту ночь, вышли из цитадели к молу и потом, сделав обход, кажется, присоединились к войскам на другом конце города. Это походит на то, как будто они хотят только держаться в позициях в королевском дворце и около него, а не нападать на город.

Известия из глубины острова так хороши, что лучших и желать нельзя. Повсюду народ восстает и войска удаляются. Вечером 23-го генерал Альфан де-Гейсла удалился из Джирдженти, оставив гражданское начальство на произвол судьбы. Как только войска вышли, народ поднял итальянский флаг. Составился комитет, образовалась национальная гвардия. И тут, как повсюду, крики были: *viva l'Italia! viva Vittorio Emmanuele!* и *viva Garibaldi!* Гражданские начальства не были оскорбляемы, и хотя были выпущены арестованные, числом до 200 человек, но беспорядков не произошло. Вся Джирджентская провинция следует примеру своего главного города*. То же повторяется и в других провинциях: народ восстает, выбирает комитеты, вооружается. Катанийская провинция восстала вся, кроме только своего главного города, который еще держится в повиновении войсками, так же как и Трапани. Все это произошло еще до взятия Палермо, известие о котором еще не имело времени произвести полное свое действие. Если неаполитанцы когда-нибудь снова овладеют Сицилией, сицилийцы будут заслуживать того, чтобы вечно правил король *Bombino*.

Неаполитанский флот не сделал ни одного выстрела со вчерашнего утра, когда адмирал Менди высказал неаполитанскому командиру свое мнение о бомбардировании; таким образом, палермцы избавлены от половины бедствий, которым могли подвергнуться. Но цитадель неисправима. Как только услышит она шум или увидит движение в какой-нибудь части города, тотчас бросает бомбу. Если бы возможно было бомбам этим не попадать ни во что, наверное они и не попадали бы, — но в этих узких улицах нельзя им не попасть во что-нибудь. Почти все дома построены так плохо, что одной бомбы довольно для обращения целого здания в груды развалин, которая хоронит под собою его жителей. Целые семейства исчезли таким образом, сотни мирных людей убиты и ранены. Флот бросил в первый день бомб 70 или 80. Цитадель бросила их, наверное, больше 300.

В первый день Гарибальди послал командирам иностранных военных кораблей протест против этого подлого бесчеловечия. Но они не могли без инструкций решиться на прямое вмешательство. Апеллировать на это надобно к общественному мнению Европы.

9 часов утра.

Сейчас прибыл в город из королевского дворца парламентар с следующим письмом к генералу Гарибальди.

* Сицилия разделяется на 7 провинций, положение которых следующее: северо-восточный угол острова, ближайший к неаполитанскому матеруку, — Мессинская провинция; южнее по восточному берегу — Катанийская; юго-восточный угол — Сиракузская. Далее, по южному берегу, начиная с востока, за Сиракузскою провинциею следует Кальтанисетская, входящая далеко в глубину острова; потом Джирджентская; западная сторона занята Трапанскою провинциею (в ней лежит Марсала). Середину северного берега занимает Палермская провинция.

Квартира главнокомандующего сухопутными и морскими силами за проливом. Палермо. 30 мая 1860.

«Его превосходительству генералу Гарибальди.

Генерал,

британский адмирал известил меня, что с удовольствием примет на своем корабле двух моих генералов для начатия с вами переговоров, в которых он будет посредником, если вы позволите им проехать через город. Прошу вас известить меня, согласны ли вы, и если согласны, то назначить мне час, в который должно начаться перемирие. Хорошо было бы также, чтобы вы позволили этим двум генералам иметь с собою конвой от королевского дворца до карантина, где они сели бы в шлюпку.

В ожидании ответа, имею честь быть

Ланца».

Ответ на это письмо был, что генерал Гарибальди согласен видеться с неаполитанскими генералами на адмиральском корабле, что он разошлет по всей линии приказанья прекратить перестрелку, что перемирие должно начаться в 12 часов и что в час пополудни он будет на адмиральском корабле. Полковник Турр, генерал-инспектор национальных сил, послал письмо Ланца на «Ганнибал» через г. Уильмота, британского флаг-лейтенанта.

Половина первого пополудни.

Если увидят, что какой-нибудь человек среди суматохи надел чужой плащ, это может почесться ошибкою; но если при следующем случае тот же человек окажется делающим то же, все закричат: «держите вора!» Когда неаполитанцы попросили перемирия и генерал Гарибальди, уступая их просьбе, послал по всей линии приказ остановить огонь, неаполитанцы продолжали бомбардирование и попытались воспользоваться перемирием, чтобы захватить выгоднейшие позиции. Ныне они не только сделали такую же попытку, но и действительно успели приобрести значительную выгоду от нее. Чтобы прекратить огонь в 12 часов, Гарибальди начал рассылать по линии известие о перемирии за час до этого. В это время явилась неаполитанская колонна на той самой дороге, по которой вошел в город Гарибальди. При колонне находилась артиллерия. Колонна эта, стоявшая у Адмиралтейского моста, двинулась к Терминским воротам. Напрасно выставили белый флаг, означающий перемирие, — колонна продолжала огонь, и цитадель начала бросать бомбы в том же направлении. Несколько офицеров, взошедши на баррикаду, старались объяснить неаполитанцам, что заключено перемирие. Они были приняты ружейными выстрелами, и в числе других был ранен полковник Карини. Но гарибальдиевские волонтеры все еще держались приказанья, не отвечали на огонь. Посол за послом являлся к Гарибальди, объясняя, что войска его должны стрелять или оставить свою позицию. Генерал уже готовился объявить, что перемирие нарушено, когда явились к нему парламентарями два неаполитанские офицера. Они извиняли дело недоразумением, говоря, что колонна не была известена о перемирии. Они были посланы вперед прекратить огонь и оста[но]вить колонну. Довольно любопытно то, что во все это время продолжалось бомбардирование с цитадели, — а наверное нельзя было предположить, что в цитадели не знали о перемирии! Ровно в 12 часов пришло известие, что колонна проникла в город. Гарибальди, как накануне, тотчас же собрал резервы и пошел вперед. Известия были совершенно справедливы, и британский лейтенант мистер Уильмот, приехавший на берег объявить о согласии адмирала, чтобы свидание происходило на его корабле, увидел себя на середине между наступающею неаполитанскою колонною и отрядом Гарибальди. Бомба, брошенная из цитадели, разорвалась подле мистера Уильмота, неаполитанцы прикладывались стрелять, и с большою опасностью он

успел наконец дойти до Гарибальди. Тогда было 5 минут 1-го. Мистер Уильмот привез согласие адмирала, чтоб переговоры были на его корабле, а через несколько минут неаполитанские офицеры приехали сказать, что все дело было недоразумением, что колонна не была извещена.

Шлюпки адмирала были у берега в четверть 1-го. Я должен сказать, что, будучи на месте Гарибальди, не стал бы слушать никаких предложений, пока колонна не оставила бы позицию, занятую вероломством. Но Гарибальди неисправим в своем великодушии. Я ожидаюсь, чтобы узнать о результатах свидания, — надеюсь, что успею сообщить вам их прежде, чем кончится прием корреспонденции на английском корабле «Intrepid», готовящемся к отплытию.

4 часа пополудни.

Конференция на корабле еще не кончилась, и все шлюпки стоят подле «Ганнибала». Город в самом взволнованном состоянии. Распространилась молва, что неаполитанцы предлагают Гарибальди заключить капитуляцию на том условии, что они дозволят ему свободно удалиться из города. В такие-то минуты бывает видно, каков дух народа. И бесспорно оказывается, что дух палермского народа не тот, который производит героев и мучеников. Вместо того, чтобы броситься в дома, ближайšie к позициям неприятеля, жители бегают по улицам, наводя уныние друг на друга.

Половина 6-го.

Конференция кончилась. Гарибальди вышел на берег и отправился в свой дворец с двумя неаполитанскими генералами. Отходит французская почта, и я должен отправить письмо, не имея времени сообщить вам подробности конференции. Но рассказывают, что заключено перемирие до 12 часов завтрашнего дня и что неаполитанцы просили его главным образом для того, чтобы перевезти на корабли своих раненых, которых у них очень много.

Как бы то ни было, недолго вам ждать окончательного решения в том или другом смысле: оно должно совершиться через несколько дней. Ни та, ни другая партия не может долго выдержать своего нынешнего положения. Можно было бы написать эпическую поэму о том, что сделали 1062 человека итальянцев и 5 венгерцев в эти три недели, какие они совершили битвы, какие делали переходы, какое переносили утомление. Если бы каждый сицилиец готов был исполнить хотя тысячную долю того, что делали они, теперь уже не было бы надобности ни в какой борьбе. О жалованье они и не думают, — у них нет в мысли и слова «жалованье»: почти все приехавшие с Гарибальди имеют собственные средства содержать себя, никогда не спрашивают ничего, кроме патронов, продовольствуются тем, что могут сами купить, и, кажется, забыли, что такое значит сон. Плохо у них лишь одно то, что их высадило на берег всего только 1062 человека и что люди, считающие себя великими двигателями итальянского дела, тут считают свою обязанностью сильнейшим образом препятствовать прибытию всяких подкреплений к ним. Злоречивому человеку показалось бы, что они почли это дело благоприятным случаем сбыть с рук Гарибальди; но они, может быть, ошиблись в расчете.

Палермо. 31 мая.

Кто ищет сильных впечатлений, тому лучше всего немедленно ехать в Палермо. Каким бы *blasé** он ни был или какая бы рыба кровь ни была в нем, — он, ручаясь, расшевелится. Он будет увлечен потоком народного чувства или стремительность и переменчивость этого потока произведет в нем такую сильную реакцию, какую он редко испытывал.

* Пресыщенный. (Прим. ред.)

Народная пословица говорит, что день на день не походит. А здесь почти каждый час изменяет положение дел, и с положением дел чувства 200 000 человек меняются из одной крайности в другую почти без малейшей постепенности. Вот все торжествуют и полны надежд, — через минуту все в ужасе и унынии. Вот город оглашается радостными криками, — через минуту тысячи повергаются перед образами Мадонны и святых, стоящими тут на всех перекрестках. Иногда между двумя пароксизмами бывает штиль, род утомления, но за ним быстро следует другой припадок надежды или страха.

Эта постоянная тревога — вернейшее отражение народных мнений. Вот баварцы (так называют здесь иностранных наемных солдат) перешли вперед за свою линию и грозят нападением; вот народный страх видит, как в ужасном сне, конницу, скачущую через баррикады; вот наступают войска из королевского дворца. Пока в одной улице народный голос разносит эти вести, в другой несется противоположный поток, громкими криками разглашающий, что целые батальоны неприятельские передались нам, что неприятель покинул свои крепчайшие позиции, бежит в расстройстве куда попало. Обыкновенно и те и другие новости одинаково несправедливы, порождаются только напряженным состоянием фантазии. Но в нынешний день было достаточное основание перемене чувств, которой подвергался город с утра до ночи.

Во вчерашнем письме я только успел кратко упомянуть о конференции на «Ганнибале» между Гарибальди и двумя неаполитанскими генералами. Первые предложения были сделаны неаполитанцами на другой же день после нашего вступления; но они не привели ни к чему, потому что неаполитанцы не хотели обратиться прямо к самому Гарибальди. Они про или конференции с адмиралом Мэнди, ожидая, что он возьмется быть посредником между ними и генералом Гарибальди. Конечно, полномочному наместнику короля-бомбы II было унижительно обращаться с просьбою к «флибустьеру Гарибальди». Но адмирал Мэнди полагал, что если неаполитанцы попали в беду и если Гарибальди захочет быть великодушен, то и должны они воздать ему надлежащую честь. Принуждаемые вступить в переговоры прямо с «его превосходительством генералом Гарибальди», они уже никак не могли бы и потом называть его флибустьером, должны были признать его полководцем. Командир находящейся в Сицилии эскадры британского флота не мог вступать в сношения с Гарибальди, если он считается флибустьером, но готов был принять на себя посредничество, если он — главнокомандующий национальных сицилийских сил. Колебавшись два дня, генерал Ланца увидел себя вынужденным уступить и послал Гарибальди письмо, просившее о свидании.

Странное недоразумение, по которому иностранные наемники вступили в город в ту самую минуту, как началось перемирие, повело ко множеству извинений с неаполитанской стороны. Конференция была назначена в половине 1-го; противники разными дорогами пришли к тому месту, где ждали их шлюпки «Ганнибала». Офицер, посланный от Гарибальди в королевский дворец, проводил оттуда на берег генерала Летицию (бывшего либералом в революцию 1820 г.); при Летиции находились командир стоявшего в гавани неаполитанского флота и несколько адъютантов. С Гарибальди были полковник Турр и также адъютанты. Британский адмирал с большим политическим тактом пригласил французского и американского командиров эскадр присутствовать при конференции. Генерал Летиция возражал против этого, говоря, что имеет дело только с британским адмиралом и с Гарибальди; но Гарибальди тотчас же отвечал ему, что не имеет никаких секретов и будет очень рад присутствию французского и американского командиров, которые потому и остались при конференции.

Генерал Летиция подал бумагу, в которой были письменно определены шесть оснований, на которых он желает вести переговоры. Вот они:

«1. Должно быть заключено перемирие на срок, о каком согласятся договаривающиеся стороны.

2. Во время перемирия обе стороны должны оставаться на своих позициях.

3. Транспорты раненых из королевского дворца и семейства королевских чиновников должны быть свободно пропускаемы через город для переправы на королевские суда.

4. Королевским войскам во дворце и семействам, скрывшимся в монастырях, должно быть позволено снабжаться дневным продовольствием.

5. Муниципальные власти обратятся к его величеству королю с верно-подданнической просьбою, излагая перед ним истинные желания города; эта просьба будет сообщена его величеству.

6. Войскам (неаполитанским), находящимся в городе, будет дозволено получать продовольствие из цитадели».

Одни эти условия уже показывали, в каком положении находятся неаполитанцы, обремененные множеством раненых, которых в одном королевском дворце было больше 500, не имевшие продовольствия, искавшие только предлога для примирения и уступок. Каждый, кроме Гарибальди, или отказал бы в этих условиях, или потребовал бы в вознаграждение за них разных выгод. Но Гарибальди не таков: он великодушно согласился на пять из шести условий. Он отверг только пятый пункт, говоривший о просьбе и составлявший признание в поражении, тогда как все выгоды были на его стороне. Но, — факт, лучше всего характеризующий его, — когда конференция кончилась, Гарибальди, говоря с Летициею, сказал ему, что если бы король неаполитанский дал сицилийцам конституцию и обещался следовать истинно итальянской политике, согласной с политикою Виктора-Эммануэля, то он готов примириться на этом основании.

По первому пункту было решено, что перемирие заключается до 12 часов следующего дня. По второму пункту был некоторый спор, и в нем явилось на сцену наступление, сделанное наемными войсками; но Гарибальди принял извинения, состоявшие в том, будто эта колонна не успела перед тем временем получить инструкции.

Конференция кончилась уже в 6-м часу вечера. По возвращении Гарибальди в город все силы были обращены на приведение Палермо в состояние защищаться. Четыре комиссара, назначенные по четырем частям города, занялись усилением построенных и постройкою новых баррикад. Народ был возбуждаем к деятельности, объяснялось ему его положение, оставлявшее только один выбор: сражаться или погибнуть, и при такой дилемме палермцы, надобно сознаться, выказали больше деятельности и энергии, чем я ожидал. Священники, женщины, дети — все работали над баррикадами; таскали на кровли и верхние этажи домов камни и другие вещи, чтобы бросать их на неприятеля в случае нападения. Гарибальдиевские стрелки и инсургентские отряды были собраны, размещены по пунктам, назначенным для каждого. По всем колокольням были поставлены люди, с приказанием бить в набат, как только начнется сражение. Ко всем инсургентским отрядам, находящимся за городом, были разосланы приказания, чтобы на следующий день одни из них вошли в город, другие напали на королевские войска с тылу. Комитету было сообщено, чтобы он собрал как можно больше снарядов для делания орсиниевских гранат; пушки, взятые в городе, были поставлены на позицию на оазных баррикадах; войскам были розданы патроны и продовольствие. Словом сказать, до поздней ночи деятельно велось распоряжения, обещавшие хороший успех следующему дню.

Нынешнее утро деятельность не только не ослабела, а напротив, были самым полезным образом употреблены немногие оставшиеся часы. Ныне годовщина битвы при Палестро, которою начался ряд побед, создавший нынешнее положение Верхней Италии, — это было хорошим предзнаменованием. Город проснулся очень рано. Первый взгляд на улицы был не обод-

рителен. Казалось, будто идет полная эмиграция: толпы женщин и детей, сопровождаемые мужчинами, несущими на себе разное имущество и провизию, пробирались через баррикады. Приказано было пропускать только женщин и детей, которым лучше быть за городом, когда возобновится битва и с нею, по всей вероятности, бомбардирование. Именно та часть населения, которая оставалась в домах, особенно пострадала от варварского бомбардирования, и жестокостью было бы снова подвергать ее другому, еще более суровому. Но эта эмиграция была возможна только для зажиточных классов, которые могли взять с собою кошельки, наполненные деньгами, и платить за свое помещение на купеческих судах или найти его на военных кораблях. Британский адмирал отдал приказание принимать на корабли каждого, кто только придет. Командиры кораблей других наций последовали его примеру, и таким образом к 2 часам корабли переполнились людьми, — к этому времени были переправлены на них почти все, хотевшие покинуть город.

Мистер Гудуин все еще, несмотря на ежедневные приглашения адмирала, не хотевший покинуть свой пост, принял к себе в дом всех женщин и детей из небогатых английских семейств.

Вопрос был только в том, захотят ли сражаться оставшиеся в городе? Священники и монахи, почти все без исключения явившиеся истинными патриотами, ходили по улицам с крестами, ободряя народ надеяться на бога и сражаться за жизнь и собственность. Отряды стали на своих позициях; во всех была видна такая готовность и решимость, что если бы дан был сигнал, результат не был бы сомнителен, — я убежден в том. Но пока делалось это в городе, уже произошла перемена в преторском дворце*. Рано утром Ланца прислал парламентаря, прося конвоя для генерала Летиция, который желает в 10 часов утра иметь свидание с генералом Гарибальди. Видно было, что он хочет просить нового перемирия. Мне случилось быть в комнате Гарибальди, когда явился Летиция. Его тон был уже совершенно не таков, как накануне; не могло быть ничего любезнее и мягче слов, которыми он высказал свою просьбу. Он объяснил, что до 12 часов невозможно перевезти всех раненых и что потому цель перемирия не достигнута, если не продолжить его. Он сначала просил продлить перемирие бессрочно, выражая надежду, что, быть может, не понадобится возобновлять войну. Гарибальди не согласился на бессрочное перемирие и предложил одни сутки; Летиция находил, что этого мало, и наконец Гарибальди определил продолжить перемирие на трое суток.

Как только ушел Летиция, были посланы приказания не начинать нападения в 12 часов. Город был так зоодушевлен, что общее мнение осталось решительно недовольно продлением перемирия, в котором почти все видели выгоду только для неаполитанцев. Говорили, что они хотят освободиться от раненых, снабдить себя провизиею и получить подкрепления из Неаполя. Никто не хотел видеть другой стороны вопроса, — того, что есть в перемирии выгоды и для национальных войск. Около того самого времени, как Летиция был у Гарибальди, пришло из Каляри письмо от 28 мая, говорившее, что идет в Сицилию пароход с 100 человек гарибальдиевских волонтеров, отборных людей, с 2 000 ружей, с большим количеством патронов и других военных запасов, и что он придет к берегу утром 31 мая. Это было важным подкреплением, и немедленно были сделаны распоряжения, чтобы начальники отрядов, находящихся по соседству Кастелламаре, ждали этого парохода и приготовились к выгрузке снарядов. К тому же времени успели прибыть пушки, оставленные в Корлеоне. Вы помните, что отправка этих пушек с отрядом человек из 100 заманила неаполитанцев к преследованию и поведла к взятию Палермо. Приказ был дан отступить до Сан-Джулиано. По затруднительности пути, а может быть, и по не-

* Главной квартире Гарибальди.

брежности посланных в это отступление, они не успели сделать дела так быстро, как следовало бы, и результат был тот, что пришлось им бросить назад две пушки (одна из них была та, которую взяли при Калата-Фими). Потеря эта теперь неважна, потому что в уличной палермской битве пушки не принесут большой пользы, а взятие Палермо не слишком дорого было бы куплено и потерей всех пушек.

Кроме подвоза остальных пушек, трехдневное перемирие давало время сойтись в Палермо отрядам из глубины острова, — это будет подкрепление из нескольких тысяч человек. Некоторые из этих отрядов находятся уже в арьергарде колонн, пришедших вчера к Терминским воротам.

Но важнее всего то, что эта трехдневная отсрочка дает время распространиться деморализации и между неаполитанскими, и между наемными иностранными солдатами. Три из числа неаполитанских полков — 6-й, 8-й и 10-й — несколько месяцев тому назад выказывали такое неудовольствие и такую непокорность, что пришлось совершенно раскассировать и перереформировать их. Уличные битвы последних дней, когда неудача была на стороне войск, конечно произвели не такое действие, чтобы укрепить их дисциплину или ободрить их дух. Притом же, положение солдат не таково, как положение сбирров полиции, родом сицилийцев. Сбирры эти знают, что не должны ожидать пощады; но против солдат нет никакого ожесточения. Целый день ныне они во множестве ходят по городу, и очень многие приходят вовсе передаться нам, другие фратернизируют с народом, и все горят желанием увидеть Гарибальди, поцеловать его руки. Несколько неаполитанских офицеров, родом из Сицилии, приезжали повидаться с родными, находящимися в городе. Немногие из них вернулись назад. Да и вернувшиеся будут в неприятельском стане еще полезнее Гарибальди, чем когда бы остались здесь. Я сам видел капитана, целовавшего руки Гарибальди, со слезами просившего его предотвратить кровопролитие между солдатами итальянцами и обещавшего всеми силами склонять к тому же своих солдат.

В числе проезжавших через город находился майор Боско, сицилиец, командующий одним из тех стрелковых батальонов, которые обещали королю неаполитанскому принести голову Гарибальди. Он был задержан потому, что неаполитанские аванпосты не хотели пропустить транспорта с мукою в город. В конце своего ареста он стал как есть либералом.

Между дезертирами находился швейцарец, принадлежащий к наемным войскам. Он был сержантом и разжалован в рядовые, по его словам, за мелкий проступок. Он рассказывал, что швейцарцев между наемными солдатами всего одна пятая часть, а все остальные — сброд разной сволочи из Австрии, в особенности из Кроации, самые величайшие негодяи, каких только можно набрать, что у них одна цель — грабеж и что их командир, фон-Михель, обещал им разрешение грабить.

Скоро представились доказательства словам швейцарца. Эти наемные солдаты ворвались во все дома, соседние с их позицией, разграбили в них все, насильствовали женщин и зажгли самые дома. В одном амбаре нашли они множество хлеба и продали его по низкой цене тем, кто был расположен воспользоваться несчастием ближнего. Они устроили настоящую ярмарку. Когда были сделаны об этом представления командующему генералу, он сначала стал извинять грабеж тем, будто он сделан вчера в первой горячности нападения, а другие подробности просто отрицал. Наконец, однакоже, неаполитанские офицеры принуждены были сами сознаться, что эти солдаты — дурной народ. Сам батальонный командир Боско называет их так: «шайка разбойников, которую нельзя удержать в порядке». Раузмеетса, нельзя. Их с самого начала восстания поощряли к грабежу и скорее хвалили, чем наказывали за все неистовства. Кротос довольно один день продержат так, и уже никакая сила не удержит их в дисциплине. Они сражаются для грабежа. Очень заметна ненависть между неаполитанцами, и офицерами и солдатами, и между этими кондоттьери; если б не-

аполитанцы не боялись, они первые начали бы сражение с наемниками. Эти разбойники хороши с обеих сторон: если надежда на грабеж может заставить их сражаться, то трудно будет удержать их в строю, когда сражение начнется и им можно будет грабить.

Даже из наемных солдат те, которые лучше своих товарищей, гнушаются ими: около 100 человек швейцарцев уже предлагали перейти к Гарибальди, если им дадут хорошее жалованье. Посмотрим, приведут ли к чему-нибудь переговоры, начатые об этом.

Вечером Гарибальди обошел город, осматривая положение дел. Я был с ним, и не могу дать вам даже слабого понятия о том, как его встречали повсюду. Это был один из тех триумфов, которые, кажется, возносят человека выше людей. Самую удивительную из виденных мною сцен такого рода была встреча Наполеона и Виктора-Эммануэля в Милане, год тому назад, и мне кажется, что вчерашняя сцена была еще поразительнее. Въезд императора и короля был несколько формалистичнее, что мешало полному выражению народного энтузиазма. Они были верхами, окружены своею гвардиею. А кумир народа, Гарибальди, в своей красной фланелевой рубашке, с полуразвязавшимся носовым платком вместо галстука, в изношенном плаще, пешком ходил между этих тысяч кричащих, смеющихся, с ума сходящих от радости людей, и несколько человек, сопровождавших его, едва успевали только защищать его, чтобы народ не схватил его на руки. Народ теснился целовать его руки или хоть коснуться пользы его платья, как будто в нем исцеление, награда всех прошедших и, быть может, будущих страданий. Матери несли к нему детей, на коленях просили его благословить их, — а предмет их поклонения все оставался таким же спокойным, улыбающимся, каким бывает под смертоноснейшим огнем, стараясь утешить толпу, останавливался на каждом шагу выслушивать долгую жалобу о домах сожженных, об имуществе, разграбленном отступавшими солдатами, давал советы, утешал, обещал, что все убытки будут уплачены.

Я не имел времени обозреть все пункты, с которых прогнаны солдаты, но, только посетив их все, можно бы составить себе полное понятие, какой урон они должны были потерпеть и насколько превосходят их гарибальдиевские волонтеры в уличном бою. Эти юноши как будто находили себе наслаждение в том, чтобы выбивать солдат из их позиций, занимались этим с любовью, обнаруживая удивительные тактические таланты: ни разу не ускользнула от них выгода обойти солдат с фланга, зайти в тыл их позиции. Каждый большой дом, а в особенности монастырь, становился для них цитаделью, в которой быстро пробивались амбразуры, извергавшие убийственный огонь на головы солдат. Только этим способом могли они дойти до самого королевского дворца почти без потерь.

Когда Гарибальди возвратился домой, явился неаполитанец с возражениями против того, что постройка баррикад продолжается во время перемирия. Ответ был тот, что в своих границах каждая сторона может делать что ей угодно и что если неаполитанцы могут перевозить своих раненых и получать провизию, то городу не годится не строить баррикад.

Пока неаполитанский офицер еще ждал ответа, произошло формальное нашествие английских и американских флотских офицеров, получивших отпуск на берег: каждый из них, разумеется, желал видеть Гарибальди. Командир американского корабля приехал вместе с американским консулом; швейцарский консул также приехал. Гарибальди теперь уже не флибустьер, он главнокомандующий сицилийских национальных сил. Каждый, кто приезжал, наверное захочет приехать во второй раз, потому что каждый принимается с ласковым словом и каждому видно, что ему рады.

Мне кажется, что Гарибальди скоро с избытком вознаградил бы свои потери, если бы ему позволяли принимать желающих с английских и американских кораблей. Хорошо, что неаполитанские офицеры были тут,

чтобы видеть эту сцену: она покажет им, как думают о них иноземные народы.

Вскоре после того явился парламентар из здания финансового управления, которое еще занято роялистами, предлагая сдать эту позицию с находящимися в здании суммами, — всего, говорят, 4 000 000 таров, или 2 000 000 франков. Это большею частью частная собственность, положенная туда для безопасности. Условия были приняты.

Известие о продлении перемирия вмиг изменило физиономию города. Многие из переехавших на корабли возвратились, потому что отсрочка позволяла им привести свои дела в порядок, чего не успели они сделать при торопливом отъезде. Лихорадочное состояние миновалось, веселость стала господствующею чертою города, который был иллюминирован, как и во все дни с нашего прибытия. До поздней ночи множество народа расхаживало по улицам с песнями и радостными криками. Разносчики вяленой рыбы, которая здесь главное продовольствие, появились на улицах — это я считаю признаком возвращения к более нормальному состоянию. Явились похоронные процессии с крестами, образами (особенно образами св. Розалии), восковыми свечами. Месяц светил ярко, и каждый возвращается домой не с теми чувствами, с какими встал ныне поутру.

Июня 1.

В эту ночь ушел один из неаполитанских пароходов; на нем уехал, говорят, и сам генерал Ланца. Пароход пошел в Неаполь, и надобно полагать, что уехавший на нем генерал, кто бы он ни был, отправился туда изложить необходимость уступок. Я уже говорил вам, что Гарибальди согласен на мир, если будет возвращена сицилийцам конституция, в особенности под гарантию Англии, и король неаполитанский обещается следовать истинно итальянской политике. Посредничество адмирала Мэнди, которое до сих пор приводило к таким хорошим результатам, устраняет все затруднения. Если неаполитанцы думают, что могут повести дело иным путем, через другое посредничество или вовсе без посредничества, они ошибаются: Гарибальди никого не слушается и ни на кого не полагается, кроме адмирала Мэнди. Адмирал принудил неаполитанцев вести переговоры прямо с Гарибальди и тем самым признать его: Гарибальди не такой человек, чтобы забыть это.

Неаполитанцы очень деятельно перевозят раненых на корабли, привозят в королевский дворец провиант и, вероятно, боевые снаряды. Дезертиры продолжают приходить к Гарибальди десятками. Кроме того, новостей нет.

«Меандр» уходит в 3 часа в Мессину и успеет быть в Марсели в субботу, ко времени отхода английской почты.

С каждым часом приходят новые известия о распространении восстания. Вчера прибыл из Трапани неаполитанский пароход с известием, что ежеминутно ждут нападения инсургентов на этот город. Говорят, что Мессина была бомбардирована*. Пора неаполитанцам подумать о примирении.

Июня 2.

Вчера вечером здание финансового управления, большой дом на Толедской улице, было сдано роялистами. Переговоры шли четыре дня. Первое предложение не было принято Гарибальди, настаивавшим, чтобы солдаты положили оружие, на что они не соглашались. По заключении перемирия предложение было возобновлено со стороны войск; обнаружилось обстоятельство, склонявшее принять его. Никто не предполагал, чтобы в этом доме были оставлены деньги, — оказалось, что они были там оставлены.

* Читатель знает, что слух этот был несправедлив.

Неаполитанцы были так уверены в своих силах, что не подумали принять меры на случай потери Палермо, и таким образом осталось в кассе более 5 000 000 дукатов, или 1 200 000 фунтов, — по точному счету 5 444 444 дукатов (более 8 000 000 р. сер.). Из этой суммы только 100 000 дукатов принадлежат правительству; остальное — частные вклады. Г. Криспи, государственный секретарь, отправился туда с кассирами и контролерами финансового управления; составили протокол; эти чиновники и капитан отряда, занимавшего здание, подписали его. В отряде было до 125 человек; им позволили удалиться с оружием и багажом. У них был только один раненый; это легко объясняется выгодностью их позиции и тем, что правильного нападения не было сделано на них. Занимая свой пост, они забавлялись тем, что стреляли во всех прохожих. Говорят, что даже по заключении перемирия их выстрелами были убиты два человека у Porta Felice. По найденным бумагам видно, что из правительственного фонда было взято 792 000 дукатов на военные издержки, которые очень значительны, потому что с самого начала волнений солдаты получают двойное жалованье.

Ныне утром получено известие, что вчера рано утром пароход Utile пришел в Марсалу, высадил около 100 человек волонтеров и выгрузил 2 000 ружей с большим количеством боевых снарядов, без всякого препятствия: все неаполитанские суда были тогда в Палермо, Мессине, Трапани и Катании, — единственных четырех пунктах, где еще несколько держатся королевские войска. Волонтерами начальствует уроженец Трапани, эмигрант Фрателли. Колонна эта должна была ныне утром идти на Трапани, жители которого каждую минуту ждут, что город их будет сожжен и разграблен солдатами. Но я полагаю, что она будет призвана сюда на тот случай, если завтра возобновятся военные действия.

Ждут не одного этого подкрепления. Есть верное известие, что пароход «Блекуэль» 26 мая вышел из Ливорно с 1 500 или 1 800 волонтеров. Один из неаполитанских фрегатов, посланных искать его, нынешнею ночью вернулся, после напрасного поиска. Пришедший вчера из Гибралтара купеческий пароход сообщает, напротив, что у западного берега Сицилии видел большой винтовой пароход, наполненный людьми, идущий по направлению к Марсале. Любопытно было бы, если б и эта высадка, подобно двум первым, произошла в Марсале.

В последние трое суток не было перестрелки; но перемирие все-таки не было временем мира и согласия между противниками. Из лагеря в лагерь почти непрерывно ходят один за другим парламентарии для объяснения недоразумений, успокоения опасений, проверки фактов. То роялисты останавливают транспорты, то те же роялисты врываются в дома и грабят, унося все, что могут захватить. Многие из таких жалоб подтвердились исследованием дела; но я думаю, что эти нарушения перемирия производятся не столько вероломством неаполитанских генералов, сколько совершенным недостатком дисциплины в их войсках. Так, несмотря на несколько приказаний главнокомандующего, колонна, стоящая у Терминских ворот, не хотела пропустить транспорт с мукою. Дело довольно натуральное со стороны солдат: они устроили за городом род ярмарки, на которой торгуют всяческими награбленными вещами, продают их по дешевой цене, и не хотели пропустить такого хорошего случая к снабжению своего рынка товаром. Надобно было прибегнуть к возмездью. Один из их транспортов также был задержан. Пока его держали, солдаты, его конвоировавшие, дезертировали почти целым своим отрядом, взяв с собою и лишних мулов. На другом конце города солдаты усиливались ворваться в женский монастырь; всей власти генерала Ланды и многочисленных послов от него оказалось едва достаточно для останова их. В третьем конце города они увели девушек из монастыря Oblati, служащего приютом для девид-сирот. Матери этих девушек в слезах пришли жаловаться. Самого факта неаполитанские начальства не отрицали, но объясняли, что монахини ушли с солдатами добровольно. Не проходит минуты, чтобы не явился кто-нибудь с жалобой на

нействовавшие солдаты. Если бы не удивительная нравственная власть Гарибальди над его войском и над всем населением, невозможно было бы сохранить перемирие. Во все время, сколько мы находимся, не было ни одного следа проступка против дисциплины или законного порядка в гарибальдических войсках. Несмотря на одушевление и волнение, теперь в Палермо такой порядок, какого не было даже во время величайшего стеснения.

Только в одном жителе неумолимы: это — предание сбирров смерти; они гонятся за ними, как за дикими зверями, и расстреливают, как только найдут. Особенно в первые дни формально производились систематические облавы на сбирров, особенно известных народу, и многие из них были убиты прежде, чем офицеры успевали спасти их. Кто вспомнит, каким бедствиям подвергался от них народ, тот не удивится народной ярости против них.

Дезертиры продолжают являться; странно сказать, они большею частью унтер-офицеры, сержанты и капралы, а не простые рядовые*. Все они просят служить у Гарибальди; того же просят человек 300 или 400 из пленных. Начинают переходить к инсургентам даже иностранные наемные солдаты, — то есть лучшие из них, гнушающиеся своими товарищами и своим родом службы. Почти каждого офицера, приходящего отсюда парламентаром к неаполитанцам, расспрашивают о жалованье у Гарибальди, и если бы не наш неуместный патриотизм, отвергший всякую мысль о жалованье, без сомнения, баварцы приняли бы предложения. Вероятно, еще и теперь было бы не поздно сделать им предложение. В доме финансового управления нашлось довольно денег на эту и на другие надобности.

Если бы Гарибальди и горожанам нужно было только сражаться с войсками, дело было бы нетрудное. Но бомбардирование делает положение затруднительным. По образцу, какой мы имели в первый день, можно видеть, чего наделает оно, если будет продолжительно. Может исполниться угроза обратиться город в груду развалин и похоронить под ними тысячи мирных граждан, — особенно, если солдаты по прежнему обычаю будут жечь каждый дом, который разграбят.

Можно было бы написать целые томы о вандализмах, уже совершенных ими, потому что каждая из развалин, считаемых сотнями, имеет свою историю грубого бесчеловечия. Если бы не было на это у меня столько свидетелей, офицеров британской эскадры, ходивших по городу и своими глазами видевших факты, я боялся бы сказать об этих вандализмах, — так они кажутся невероятны. Особенно в кварталах на правой и на левой руке от королевского дворца, населенных по большей части бедными людьми и наполненных монастырями, производились ужасы, в которых может удостовериться каждый, кто пойдет туда. Следы их увидит он своими глазами. Там стоят черные остовы сожженных домов. Население в них очень тесно набито даже в обыкновенные времена. Страх бомбардирования переполнил их людьми еще больше прежнего. Бомбы, упавшей на один из них, растерзавшей и похоронившей его жильцов, бывало достаточно, чтобы жители соседнего дома, бросая его, прятались в погреба. Солдаты, отступая, зажигали дома, уцелевшие от бомб, и, таким образом, множество людей было сожжено в этих убежищах. По всему околотку Альберджерии воздух наполнен запахом трупов, проникающим сквозь развалины, и жирным чадом, происходящим от горения тела. Если вы можете вынести этот запах, попробуйте войти в развалины, потому что только там вы увидите, что это такое за вещь. Недолго вам придется искать, — скоро вы споткнетесь о зажарившиеся остатки человеческого тела, — тут о ногу, там о руку, через несколько шагов о голову. Вам послышится шорох, — вы осмотритесь: десяток разбегшихся крыс бежит во все стороны или собака старается убежать через развалины; тучи мух взле-

* Конечно, потому, что унтер-офицеры разнятся рядовых.

тают при вашем приближении, и вы спешите вон, чтобы уйти от их отвратительного и ядовитого прикосновения.

Я дивлюсь только тому, что вид этих сцен не обращает каждого палермца в тигра, каждую палермитянку в фурию. Но эти люди были так долго затаптываемы, деморализуемы, что их натура как будто потеряла всю силу реакции. А все-таки последние дни навели на них убеждение, что невозможно им было ожидать никакой пощады, что еще во сто раз большие ужасы произошли бы, если бы неаполитанцы снова овладели городом. Эта грозная опасность сильнее всего содействовала тому, что народ несколько пробудился от своей апатии, и надобно сказать: приготовления к встрече войск стали теперь производиться не попережнему. Посмотрим, удержится ли эта бодрость, когда бомбы опять начнут летать по городу.

Гарибальди думает представить протест всем командирам стоящих здесь военных судов, с просьбою, чтобы они своим влиянием предотвратили меру, вредящую только беззащитной части населения. Если все консулы и командиры иностранных военных судов будут действовать единодушно, я думаю, неаполитанцы не осмелятся возобновить бомбардирования. Рассказ, что некоторые из консулов и иностранных командиров протестовали, столь часто повторявшийся и опровергавшийся, оказывается, однакоже, справедливым. Когда было сообщено, что в случае народного восстания город будет бомбардирован, адмирал Мэнди приехал к Ланде и спросил, намерен ли он исполнить эти инструкции. Услышав, что он исполнит их, адмирал подал ему письменный протест, который привез с собою. Когда он уходил от Ланды, вошел командир французской эскадры с таким же протестом, а вскоре после того командир американский. Их не послушали, как вам известно.

3 июня, утро.

Вчера в 9 часов вечера на неаполитанском почтовом пароходе «Саэтта» приехал из Неаполя генерал Летиция. Мне сообщали за достоверное, что он привез с собою инструкции: биться до последнего человека, для этого призвать сюда гарнизон из Трапани и войска, идущие из Джирдженти, приготовиться как можно лучше, а до окончания приготовлений занимать Гарибальди переговорами. Из Неаполя прислано большое количество осиниевских гранат и конгровых ракет, с приказанием не жалеть ничего, жечь и истреблять все дома. Посмотрим, до какой степени это справедливо.

Ныне рано поутру генерал Летиция приехал к Гарибальди с просьбою о бессрочном продлении перемирия. Они говорили между собою совершенно наедине, и никто не знает, какие гарантии даны неаполитанцами Гарибальди и какими соображениями объяснено перемирие. Но верно то, что Гарибальди удовлетворился. Пусть он не слишком полагается на слова неаполитанского генерала — вот самое горячее желание каждого приверженца защищаемого им дела.

Между тем положительно известно, что гарнизону Трапани велено готовиться к отплытию, взять с собою как можно больше пушек и истребить остальные. Два парохода и парусный корвет посланы перевезти эти войска, — куда, неизвестно. У всех здесь мысли расстроены всеми этими тайнами, все недоумевают, что такое значит это перемирие.

При известии о продлении перемирия стали возвращаться уезжавшие из города, двинувшиеся было из него с самого рассвета в опасении битвы и бомбардирования.

4 июня.

Вчера, тотчас после свидания с Гарибальди, неаполитанский генерал Летиция снова отправился в Неаполь. Ожидают, что он скоро вернется. Говорят, что он просил у Гарибальди честного слова никому не рассказывать

об известиях, привезенных им из Неаполя, так что никто не знает ничего положительного. Но из этих разъездов отсюда в Неаполь надобно заключать, что неаполитанский генерал привозил сюда мирные условия и поехал назад с ответом. Из Неаполя пишут, что король требовал вмешательства иностранных держав; потому неаполитанское правительство, быть может, в самом деле думает о переговорах.

Вы не удивитесь, услышав, что здесь мало верят неаполитанцам, и потому господствует мнение, видящее во всех этих свиданиях только попытки обмануть Гарибальди.

Вчера я писал вам, что из хорошего источника слышал, будто генерал Летиция привез из Неаполя инструкции вовсе не мирного, а, напротив, самого воинственного характера, и что переговоры начаты единственно с целью обманывать Гарибальди до той поры, когда кончатся все приготовления. Несомненно одно: с приездом генерала Летиции даны были новые инструкции неаполитанским кораблям. До его возвращения они заняты были нагрузкою всех тяжелых вещей из цитадели и из дворца. По приезде Летиции это немедленно было прекращено; боевые снаряды стали выгружаться опять на берег. С тем вместе парусный корвет, буксируемый двумя пароходами, пошел в Трапани, перевезти войска оттуда в Палермо. Он теперь возвратился и привез эти войска.

Перевозка раненых из королевского дворца продолжается. Надобно считать, что их перевезено уже больше 800 человек. Но ввоз провианта во дворец значительно уменьшился. Или войска уже достаточно снабжены, или уже не осталось лишних запасов в цитадели.

Поутру ныне люди, имеющие запасы вяленой рыбы в частях города, занятых войсками, пришли с жалобою, что их магазины разбиты, а товар перевезен на военных шлюпках на корабли. Разных рассказов так много, что я только повторяю факты, доказанные проверкою, и об этом упоминаю только потому, что сам видел бочонки, перевозимые на корабли из кварталов, занятых насмными войсками.

Надежда на переговоры нимало не ослабила деятельность приготовлений к обороне. Сначала баррикады строили повсюду, где нужно и где ненужно, не было времени позаботиться о систематическом плане этой работы. Теперь составлен общий план обороны. Все ненужные баррикады скрыты, другие поправлены, третьи перестроены сызнова. Силою усердных забот более десяти пушек (почти все флотских) приспособлены к делу и поставлены на лафеты. Составлена команда к ним, приготовлены заряды из картечи и пуль. Орсиниевские гранаты делаются в большом количестве, неусышно готовятся пули и порох. Последний неаполитанский бюллетень говорит, что Гарибальди окружен в Палермо и скоро будет уничтожен. Ныне утром колонна, стоящая у Терминских ворот, прислала жалобу, что расположенные в тылу ее отряды инсургентов стреляли по ней. Взглянув на цепь гор, окружающих Палермо, вы каждую ночь увидите на них повсюду огни инсургентов, оставшихся за городом. Если о ком можно сказать «они окружены», то, конечно, уж о неаполитанцах.

Волонтеры и военные запасы, прибывшие в Марсалу, направляются сюда. Два дня тому назад они были в Партенико; рассчитывают, что ныне вечером или завтра поутру они будут здесь.

Еще нет никаких достоверных сведений о второй, более значительной экспедиции, отплывшей из Ливорно 26 мая. Вероятно, она отправилась куда-нибудь дальше. Препятствий не могла она встретить, потому что все неаполитанские военные суда сосредоточены в трех или четырех пунктах, от которых не отходят никуда.

Известие, что Мессина была бомбардирована, несправедливо. Но теперь канонирская лодка из Мальты, заходившая в Италию, известила, что инсургенты напали на войска, стоящие в городе, нанесли им большой урон — до 400 или 500 человек — но не могли выбить их из укрепленных позиций в королевском дворце и кафедральном соборе.

Слухи о войсках, ушедших из Джирдженти, различны. Одни говорят, что они в Трапани, другие — что они на южном берегу, в Терранове. Самым лучшим примером трудности устроить, чтобы комитеты разных провинций и городов действовали по надлежащему плану, может служить то обстоятельство, что хотя вся страна в руках инсургентов, но нет правильного сообщения между провинциями и Палермо. Народ здесь не привык управлять своими делами и не имеет никакой инициативы. Назначены в провинциях новые губернаторы; надобно надеяться, что они внесут некоторое единство в действия всех провинций.

У меня было так много других известий, что прежде я не имел времени сказать вам, как устраивается новая организация провинций. В нынешнем, как и во всех прочих сицилийских движениях, главною бедою был недостаток единства. Как только высадился Гарибальди и несколько прошел в глубину острова, все важнейшие члены аристократии и городских обществ просили его принять диктатуру от имени Виктора-Эммануэля, короля итальянского, и главное начальство над всеми национальными силами.

Первою заботою было, разумеется, организованне военных сил. До той поры, как вы знаете, дело ограничивалось тем, что волонтеры собирались около какого-нибудь человека, пользующегося влиянием в их округе или городе; отряды эти оставались независимыми друг от друга, люди оставались вместе или расходились, как случится.

Декрет 19 мая, изданный в Салеми, учреждает милицию, к которой принадлежат все мужчины от 17 до 50 лет. Люди от 17 до 30 лет поступают в действующее войско и должны служить в действиях по всему острову; люди от 30 до 40 лет служат в своих провинциях, а от 40 до 50 — в своих общинах.

Офицеры действующей армии назначаются главнокомандующим по предложению батальонных командиров; офицеры второй и третьей категорий, несущих только местную службу, выбираются самими отрядами.

Но вы поймете, что трудно приводить в исполнение этот декрет при нынешних обстоятельствах. Впрочем, в Палермо дело подвигается вперед. Отряды инсургентов, смотря по своей численности, преобразованы в роты и батальоны; их начальникам даны чины, соответствующие числу людей в отряде. Каждому назначен свой пост, и постепенно они привыкают к правильной организации по продовольствованию и управлению. Но ввести нечто подобное порядку в этот хаос и приучить этих людей не следовать одним своим фантазиям, — геркулесовский труд.

Теперь эти отряды инсургентов получают правильное жалованье; и я не полагаю, чтобы они долго прослужили без него. Они называются этническими стрелками *Sacchiatori dell' Etna*, — имя, хорошо идущее людям, довольно похожим на этот курящийся, но очень безвредный вулкан.

Любопытно то, что сицилийские патриоты берут жалованье, между тем как энтузиасты Северной Италии, пришедшие на помощь им, не получают ни одной копейки и не рассчитывают получить ничего.

Очень хлопочут о том, чтобы снабдить их чем-нибудь похожим на обмундировку. Сделано довольно много красных фланелевых рубашек, и почти все гарибальдиевские волонтеры имеют теперь этот мундир. Туземные милиционеры еще остаются в своем платье из темной бумажной материи, которое носят здесь все и которое так однообразно, что служит очень хорошим мундиром до приобретения лучшего.

Если подумать, что не прошло еще двух месяцев после того времени, как в последний раз было отобрано у всех сицилийцев оружие, надобно дивиться, сколько ружей еще осталось в стране. Это большею частью короткие ружья, более похожие на одноствольные охотничьи карабины, чем на боевые ружья. Но почти все они пистонные; старых, кремневых, мало. Судя по виду, почти все они еще из 1820 года или раньше, и только пистонные замки приделаны к ним позже, — вероятно, в 1848—1849. Желание

иметь ружье доходит до страсти. Строжайшие приказания были отданы доставлять в главную квартиру все ружья, отбиваемые у неаполитанцев. Но все-таки их доставляется очень мало. «Молодцы» овладевают ими, несколько срезывая приклад и ствол, чтобы трудно было узнать их. Никакой бедняк не может жаднее желать денег, чем «молодец» патронов. Но разница та, что «молодец» не бережет их так, как бедняк деньги. Во время уличной войны, как только отряду инсургентов давали патроны, они тотчас же уходили, занимали дома на безопасной дистанции, начинали бить по стенам и на воздух. Разумеется, скоро оставались они без патронов и возвращались с похвальбою, как дрались они с неаполитанцами. Впрочем, неудивительно, что эта сумасшедшая стрельба пугала солдат, а инсургенты ободрялись шумом, какой делали. В первые дни, бывало, даже когда стоят они в своем лагере, трудно было удержать их от выпускания зарядов на воздух через минуту после того, как они жаловались на недостаток патронов. Теперь это случается очень редко. Они стали несколько поумнее и научились ценить заряды.

Кроме военной, начала устанавливаться также и гражданская организация. Для этого назначен государственный секретарь*, контрагннирующий все декреты диктатора. В каждую провинцию назначен губернатор, управляющий при содействии совета, избираемого народом. Губернаторы в соседние провинции почти все уже назначены, и чем скорее они назначаются, тем лучше. В такие времена каждую область должен править ответственный человек, имеющий полномочие. Комитеты много говорят, но мало делают.

Город принял почти мирный вид. Лавки начинают отворяться, — но лишь понемногу. Я уже говорил вам, что, когда Гарибальди вступил в Палермо, почти на всех лавках и домах были надписи, объявлявшие, что они принадлежат иностранцам: *Interessi francesi, или inglesi, или americani* — было написано почти повсюду. Это должно было служить ограждением от солдатского грабежа, — не думаю, чтобы в самом деле оградило даже и против него (и действительно не оградило в частях, занятых солдатами); а против бомб и огня вовсе не помогало. Пошедши по Толедской или другой улице, вы изумитесь множеству «английского» и «французского» имущества с громадными пробоннами от бомб. Если иностранные державы потребуют вознаграждения за все эти убытки, понесенные их подданными, расплачиваться будет тяжело; но это было бы должным возмездием за неуважение к протесту командиров иностранных эскадр.

У нас здесь есть уже две газеты: *Giornale Officiale*, официальная газета временного правительства, и *Unita Italiana*; они продаются по улицам вместе с ужасною вяленюю рыбою, которая составляет главное продовольствие всего населения».

На этом останавливается корреспонденция в тех номерах «*Times'a*», которые получены нами. Для ознакомления читателей с подробностями дальнейшего хода дел лучше будет подождать продолжения этого рассказа, чем передавать известия газет, часто противоречащие между собою и несообразные с тем, что положительно известно о положении дел в дни, предшествовавшие времени, к которому они относятся. Потому, удерживаясь пока от подробностей, напомним читателю только главные черты, известные ему и по газетам.

* Криспи.

Неаполитанские войска все вышли из Палермо. Гарибальди в этот промежуток времени занимался организацией армии и гражданского управления. У неаполитанцев остается теперь в Сицилии только один важный пункт, Мессина. Гарибальди, как мы знаем из телеграфических депеш, перенес войну на итальянский материк; отряд его волонтеров уже явился в Калабрии.

По сравнению с теми событиями, подробности которых рассказал нам палермский корреспондент «Times'a», все другие факты и слухи, относящиеся к прошлым трем неделям, кажутся так мелки, рутинны, что читатель, быть может, не осудит нас за то, что мы не чувствуем охоты говорить о них в нынешний раз.